Кирилл Аваев

ПОСЛЕДНИЙ ВЫДОХ

-Это не дирижабль, балда! Это последний выдох господина ПЖ.

-Чушь! Как мог один человек перед смертью столько воздуха надышать? Абсурд!

-Побойся неба! ПЖ жив! Я счастлив!

-А я еще больше счастлив!

Из х. ф. «Кин-дза-дза!»

ЗДРАВСТВУЙ, СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ!

Повел как-то одноглазый слепого к девочкам. Идут через лес. Вдруг ветка раз, и одноглазому в глаз. Одноглазый:

-Пи…..ц! Пришли!

Слепой:

-Здравствуйте, девочки!

Анекдот.

Вот ведь… От себя не успел написать еще и

строчки, а похабщина в произведении уже присутствует. Впрочем, без нее мои произведения все равно обойтись не могут: бывает, выкинешь из очередного произведения всю похабщину, глядь, а произведения-то и не осталось. Она лезет туда сама, и я ничего не могу с этим поделать. Ну, в самом деле, не я же это слово в анекдот вставил. Стало быть, не мне и убирать!

С другой стороны, чего я стесняюсь? Не стесняюсь же я писать вот эту самую книгу, которая, как мне кажется, о жизни нашей, которую, в свою очередь, иначе как похабщиной не назовешь. Что плохого в том, что форма будет соответствовать содержанию?

Конечно, найдутся некоторые, кто не согласится со мной. Дескать, хорошо живем, и скоро будем еще лучше. Ну что же… Завидую… А мне вот не повезло.

Двадцать лет назад я нашел свое место в этом мире. Переселился из Екатеринбурга в Березовский, пригород Екатеринбурга, очень удачно подобрав расстояние до мегаполиса. С одной стороны, оно не мешало деньгам из Екатеринбурга доходить до меня, ведь большинство моих коммерческих предприятий было ориентировано именно на его жителей. С другой стороны, не позволяло доходить до меня запахам оттуда.

Я радовался исполнению давней мечты и не сомневался, что и будущее мое будет светлым. Будил меня соседский петух, по моей улице ходили на пастбище коровы, на сосны в моем огороде каждый год прилетал соловей. Пение его не заглушал шум автомобилей, а снег не был сдобрен сажей от их выхлопа. Так приятно было упасть

в него, напарившись в бане! Были грибы в соседнем лесу, а в водохранилище неподалеку можно было, вдоволь насмотревшись на поплавок, поймать карасика. Название «Екатеринбург» - города, где еще недавно жил, я теперь употреблял не иначе как с эпитетом «вонючий». Действительно, пожив на свежем воздухе и прочистив легкие, я стал чувствовать, насколько тяжел и противен воздух большого города.

Счастье продолжалось недолго. Сосновый бор в ста метрах от меня, где я любил бегать по утрам, вырубили, а на его месте построили новый микрорайон, высотой и мощью превышающий все, что было построено в нашем городишке раньше. Понаехавшие на свежий воздух новые жители, изгадившие среду моего обитания, нескончаемым потоком едут утром на работу в Екатеринбург, а вечером - обратно. Вместо неба над лесом в моем окне сейчас шестнадцатиэтажка. Дорога шумит сутками, снег чернеет уже зимой. Город отомстил мне сполна: у меня во дворе теперь воняет не хуже, чем там, и соловей больше не гостит. И вот однажды, не сумев выехать из своих ворот на улицу, потому что вместо коров на ней теперь обычно пробка, я сказал: «Здравствуйте, девочки!».

Куда теперь? Ткнуть пальцем в карту где-нибудь между Леной и Енисеем? И лишь изредка наведываться оттуда в эту вонючую цивилизацию? Но ведь и там догонят. Шестнадцатиэтажку у моего забора, может, и не воткнут, но лес точно вырубят.

Рыбу сожрут, Лену выпьют, в Енисей - наоборот. Куда ни спрячься, ни от озоновой дыры не сбежишь, ни от парникового эффекта.

А то еще китайцы придут туда пожить, они давно собирались. Они такого там понастроят!..

Но ведь это еще не скоро. Вдруг на мой век хватит? А может, и детям моим? Сколько еще осталось до полного «светлого будущего»?

ПРОБЛЕМА ПЕРЕНАСЕЛЕНИЯ

Много нас, много. Даже лишние есть.

М. Жванецкий

Если набрать в поисковике «Проблема перенаселения» и покопаться в «ресурсах», невозможно понять, сколько нас - мало, много, очень много или уже лишние есть. Или вот еще вопрос: если сейчас лишних еще нет, то когда появятся?

На миллионы сайтов, открывающихся на такой запрос, приходятся лишь единицы авторов. Не понимаю, почему. Вот я, например, когда публикую книгу, то обязательно указываю на ней имя автора. Не зря же психологи говорят, что самые сладкие звуки для любого человека – собственное имя. А вот авторы всевозможных докладов, рефератов и исследований на тему проблемы перенаселения, видимо, себя недолюбливают.

Все «ресурсы» на эту тему начинаются одинаково: «Большинство ученых считает, что…». Далее объясняется,

чем население отличается от перенаселения. Оказывается, население наша планета накормить, напоить и спать уложить еще может, а перенаселение – уже нет. А вот дальше…

Я не буду цитировать. Как процитируешь, когда автор не указан, а использование контента без его согласия… Так что я своими словами.

Если просуммировать все, что знает по проблеме перенаселения интернет, становится ясно, что сегодня нас семь миллиардов, а к концу века будет тринадцать. Матушка Земля не сможет обеспечить нам нормальной жизни. Вся экология разрушится, миллиардов пять помрут от голода и жажды. Однако сегодня наблюдается уменьшение рождаемости! Так что места хватит всем! Вот, говорят: «Китай, Китай…». А, например, в Чехии или Франции плотность населения выше, чем в Китае, и ничего, места хватает. Но все же, если люди продолжат плодиться, то ресурсов надо будет так много, что вся Земля покроется заводами , пастбищами и полями, что приведет к глобальной катастрофе. Впрочем, проблема перенаселения – вообще не проблема. Население растет, но темпы роста все ниже, и если так пойдет дальше, то через триста лет население стабилизируется на одном миллиарде, так что беспокоиться надо не об истощении ресурсов, а об истощении рождаемости. Причем, если такая стабилизация произойдет, то для этого миллиарда наступит рай, который будет длиться вечно. Не удержусь все-таки, чтоб не процитировать: «пока светит солнце!». Хотя предельное количество людей, которое потянет планета, – полмиллиарда, тогда как уже через двести лет этих миллиардов будет двести шестьдесят. Они будут жить в

одном большом городе размером с саму Землю, питаться синтетикой и производить что угодно из чего угодно. Правда, кажется, тут неточность в расчетах. Если посчитать по более другой методике, то это количество разместится в городе, занимающем лишь 700 тысяч квадратных километров. То есть всего лишь одну двухсот четырнадцатую часть суши, причем на каждого получится аж сто квадратов жилья и даже сотка огорода.

По менее другой методике, недостатка ресурсов вообще нет, а есть неправильное их распределение. Развитые страны заняты обжорством, эксплуатируя неразвитые. Они и дальше хотят процветать за счет их нищеты. Да еще их, развитых, хлебом не корми – дай мяса! А чтобы откормить скотину, сельхозугодий нужно куда больше, чем для того, чтобы накормить человека. Так что вегетарианцам, бедненьким, свою пищу выращивать уже негде, и они вынуждены из вегетарианцев превращаться в голодающих. Хотя, может, это и правильно. Ведь если бы уровень жизни в голодающих странах поднялся до уровня неголодающих, то всеобщий голод начался бы уже сегодня.

Но вопрос еды вообще не главный. Куда важней тема (опять не удержусь от цитаты) : «Люди хотят еще писать и какать»! А поскольку потребляем мы не только продукты питания, то и испражняем, по большей части, не удобрения. Даже если население не будет расти а потребление не будет увеличиваться, вся Земля уже к середине века превратится в одну большую помойку.

Что еще у пас плохого? В середине века террористы будут обладать оружием массового поражения. Или эта угроза не относится к теме перенаселения? Ну, ладно, пусть

не относится. А то, что количество террористов к тому времени возрастет не в два раза, как людей, а в десять? По-моему, относится. И то, что жить они будут, в основном, в Европе - тоже.

Ситуация с водой не лучше, чем с терроризмом массового поражения. Множество «ресурсов» убедительно доказывают, что нечего пить будет гораздо раньше, чем нечего кушать и некуда какать. Если люди, для которых песня про «славный корабль – омулевую бочку» звучит на родном языке, думают, что проблема воды их не касается, то зря. Это лишь до поры. А ну как террористов с оружием массового поражения замучит жажда?

Меня вопрос перенаселения очень волнует. Выпьют террористы мою воду или нет? Построят китайцы возле моего забора между Леной и Енисеем город на двести шестьдесят миллиардов или, наоборот, тому миллиарду, который будет млеть от счастья, пока не погаснет солнце, этот город окажется вовсе не нужным?

Не дают нынешние информационные ресурсы ответа. Одного, правильного, неоспоримого. Научно говоря: «Нет научного консенсуса!»

ГРОБАЛЬНОЕ ПОТЕПЛЕНИЕ

Но перенаселение, хоть оно и волнует, еще не

случилось. А вот парниковый эффект, как утверждают специалисты, уже произошел.

Собственно говоря, он всегда был. Если кто не знает, я изложу. Очень коротенько. Солнечные лучи Землю обогревают. А она излучает свое тепло обратно в космос с помощью других лучей. Так вот, наша атмосфера солнечные лучи пропускает хорошо, а земные – не очень. Благодаря этому эффекту, парниковому, мы и имеем наш замечательный климат, тогда как без него средняя температура по планете была бы минус пятнадцать.

Это свойство атмосфере придают, в основном, пар, углекислый газ, и метан. И за время индустриальной эпохи количество углекислоты и метана удвоилось и продолжает возрастать.

Сколько люди его производят? Очень много. Интернет шокирует цифрами со множеством нулей, но чтобы прочувствовать эти цифры, хорошо бы их сравнить с чем-то понятным. Я посидел-посидел, поделил–умножил, и получилось, что за год мы производим углекислоты в пять раз меньше, чем ее сегодня уже есть в атмосфере. То есть если бы мы жили в закрытой банке, то за пять лет ее содержание удвоилось бы еще раз. Здесь уместно заметить, что в этом случае нам было бы уже не до парникового эффекта, так как атмосфера уже оказалась бы непригодной для жизни. Но мы не в банке. Углекислота, которую мы производим, превращается в растения и растворяется в океане. Больше углекислоты – больше растений. Но вот беда: в растениях она ненадолго. Вырастил я, к примеру, горох. Вредный газ ушел из воздуха в него, стал углеродом,

и воздух стал чище. Съел горох – углекислота опять в атмосфере. Чтобы не испортить воздух парниковым эффектом, я должен не съесть его, а закопать поглубже. И тогда до тех пор, пока не будет сожжен образовавшийся из него уголь, нефть или газ, он не сможет никому навредить.

С растениями, которые мы не едим, дела обстоят не лучше. Чем больше их сегодня вырастет, тем больше завтра сгниет. Долго не сгниет только лес - такой, например, как вырубили возле моего дома. Сколько углекислого газа поглотила каждая сосенка, чтобы построить свой тонный или полутонный ствол? И стоял бы, и шумел бы себе этот вековой углерод, сберегая планету от парникового эффекта. Конечно, сейчас он никуда не делся, а превратился в срубы бань, доски, фанеру, ДСП… Но не весь. Половина его уже сожжена: ветки прямо на вырубке, а остальное, что не пошло в дело, в тех же банях. Куда она теперь, эта освободившаяся углекислота? Обратно на строительство сосен? Я уже говорил, там теперь шестнадцатиэтажки. В океан? А влезет?

Интернет этого не знает. Сколько там уже растворено? Сколько сможет раствориться? Сколько из того, что растворено, уйдет в морскую биомассу - там ведь тоже есть растения? Вопросы эти в интернете есть, а ответов… С уверенностью можно утверждать лишь то, что деревьев там нет, так что океаническая растительность, с точки зрения долговременного связывания углерода, сравнима с горохом.

Чем больше углекислоты, тем выше температура, а чем выше температура, тем больше углекислоты от

пожаров. Больше становится и пара в атмосфере, а это первый по значимости парниковый газ. Разогревается океан, что уменьшает растворяемость углекислоты в воде, таяние льда приводит к уменьшению отражающей поверхности. Рост температуры ведет к увеличению производства фреонов для кондиционеров и холодильников, что ведет к разрушению озонового слоя, что ведет к образованию озона в нижних слоях атмосферы и дополнительному их разогреву. Тоска: ни одного фактора, дающего хоть какую-то надежду.

Конечно, кто-то кричит: «Да здравствует углерод и содержащий его углекислый газ – строительный материал для всего живого!», но он не может перекричать доклады ООН и других весомых организаций о том, что на сегодняшний день первая для нас глобальная угроза – именно она, двуокись углерода, и по последствиям парниковый эффект лишь незначительно уступает ядерной войне. Потепление приведет к расширению пустынь, таянию льдов и затоплению территорий. Вымирание видов, переселение, перенаселение, повсеместные конфликты. В общем, пошло–поехало.

Когда эти последствия случатся? Самые мрачные прогнозы говорят о необратимых изменениях климата, ставящих под сомнение дальнейшее существование цивилизации, уже к середине века. Есть и конкретика: к пятидесятому году не будет Венеции, Гамбурга, Роттердама. Франция утонет наполовину, причем как раз на ту, где расположен Париж. В Сицилии, Испании и половине Британии – пустыня. Исчезнут и пляжные зоны и

горнолыжные курорты. В Азии - голод : засоление земель, нехватка рыбы. Но главная зона бедствия (Йес!) – Америка. Не все коту масленица: в Калифорнии, Техасе, Флориде – пустыня, по которой проносятся ураганы да смерчи.

Но это экстремальная мрачность. Большинство прогнозов приходится на сотый год.

Есть и доклад, в котором утверждается, что после достижения фатального уровня углекислоты он потом начнет снижаться, и беспокоиться, как оптимистично утверждают авторы, будет не о чем. Это, конечно, хорошо, что не о чем. Хуже, что некому.

Разумеется, после каждого прогноза следуют рекомендации, как избежать этих несчастий. Обобщив эти рекомендации, отвечу одним словом: никак! Сажать леса? Свяжут углерод они тогда, когда будет уже поздно. Чистая энергетика? Так ветровая энергетика в три раза дороже топливной, а солнечная в четырнадцать. И дело не только в цене. Если она во столько раз дороже, значит, для получения этой «чистой» энергии где-то работают в 14 раз больше «грязных» производств, производя необходимые для этой энергетики чудеса техники.

Уменьшить выбросы углекислоты, как показала практика, невозможно. Не помогают ни заседания, ни конгрессы, ни протоколы. И в этой ситуации очень убедительно выглядит довод тех, кто предлагает с этим вообще ничего не делать. Действительно, зачем думать о коренных мерах по уменьшению выбросов, если они сразу

приведут к коренным изменениям в экономике и политике, тогда как, во-первых, прогнозы могут быть недостоверными, а, во-вторых, никто не знает, что это за коренные меры?

Обидно! Такая цивилизация - и не из-за космической катастрофы, нашествия пришельцев или термоядерной войны, а из-за какого-то там газа. Трудно поверить. Но если надеть на голову пакет, то легче.

ОН НУЖЕН НАМ, КАК ВОЗДУХ

-Вовочка, а что принес ты?
-А я, Мариванна, принес кислородную подушку!
-А где ты ее взял?
-У бабушки.
-А что сказала бабушка?
-Ап!.. ап!.. ап!

Анекдот.

«Он нужен нам, как воздух» – это я о кислороде. Собственно, с него и началось мое беспокойство о судьбе всего живого. Было это, наверное, так…

Стоя как-то в пробке между «пятисотыми», «шестисотыми» и прочими, я задумался: а не они ли сожрали весь, как мне показалось в тот душный день,

кислород из воздуха нашего вонючего города? Стал считать… Пять литров на восемьсот оборотов в минуту… А когда трогается, чтобы проползти вперед один метр, – две тысячи… А их, пожирателей чистого воздуха, только в этой пробке – сотни. Причем даже один «шестисотый», сделанный для создания образа величия своего владельца, кажется куда мощнее сил природы, которые в данной ситуации представлены лишь кусочком неба между обступившими улицу высотками. Чем дышать будем?

Наверное, вот так зародилось у меня ощущение, что мы, цивилизация, едем как-то неправильно, а может, вообще не туда. С годами в пробках я проводил все больше времени, и обеспокоенность моя концентрацией кислорода в атмосфере росла. И в один прекрасный день я понял: надо писать! Срочно, пока весь кислород не сожрали!

Но что я мог тогда сказать? Чтобы побудить читателей задуматься о будущем, свой страх перед исчезновением кислорода надо было весомо подпереть какими-то серьезными докладами, авторитетными прогнозами, научными теориями… Своих нет – лезу за чужими в интернет.

Запрашиваю: «содержание кислорода в атмосфере». Открывается… Первые сайтов пять – о том, как и почему кислород появился в больших количествах пару миллиардов лет назад, а следом – доклад некоего дяденьки, члена, доктора, доцента и так далее, который самолично замерил содержание кислорода в атмосфере и выяснил, что его осталось не более шестнадцати процентов! Я похолодел, прочитав это. В восьмидесятом году начальник кафедры

аэродинамики лично заверил меня на лекции, что его гораздо больше! Конспект по аэродинамике дорог мне, как память: храню до сих пор. Нахожу, листаю пожелтевшие страницы. Так и есть: в начале первого моего семестра его было двадцать один процент! Выходит, за тридцать лет съели четверть!

Читаю дальше… Про то, что двигатели наших машин – сущий пустяк по сравнению с домнами, ТЭЦ, самолетами… С тем диким количеством газа, угля и дров, которое мы сжигаем для отопления… А растения, бедные, как ни стараются, не могут восполнить даже десятой части съедаемого нами кислорода. А потребление растет. А леса вырубаются. А вот и заключение Академии Наук: «Все так, все сходится… Кислорода осталось, в лучшем случае, на двадцать–тридцать лет». Есть и еще один «кислородный» аспект, о котором я до знакомства с сим докладом даже не подозревал, а узнав, попытался извлечь из этого знания практическую пользу…

Приезжаю в офис к одному своему знакомому, который заказал мне изготовление ворот для своего гаража и вот уже четыре года не может рассчитаться за сделанную работу, и говорю:

-А знаешь ли ты, какое преступление перед потомками совершаешь, позволяя своим воротам ржаветь у меня во дворе?

-Нет. – честно отвечает он.

-Ржавея, железо поглощает из воздуха кислород! Причем безвозвратно! В природе нет механизма,

извлекающего его из ржавчины! А сколько на твои ворота надо кислорода?

Он, хоть и ведет себя неприлично с этими воротами, парень очень начитанный, образованный и технически грамотный во многих областях, почти как я. Он быстро подсчитал:

-Ржавчина – Fe O2. Ворота – триста килограммов. Неужели шестьсот килограммов кислорода?!

-Не меньше!!! Чем будут дышать наши дети?

-Мне уже стыдно!..

ЕЩЕ О КИСЛОРОДЕ

- Да поймите же! Барон Мюнхгаузен славен не тем, что летал или не летал. А тем, что не врет!

Из х.ф. «Тот самый Мюнхгаузен»

Попытка не увенчалась успехом - ворота и по сей день гниют у меня во дворе. А я начал вот эту самую книгу. Представлял я себе ее так: сперва несколько маленьких глав о потеплении, загрязнении, вырубании и прочая вода: объем-то у книги должен быть. Потом основная глава - о кислороде, в которой я и донесу мысль: кислорода осталось на двадцать–тридцать лет! Если сравнить с предыдущей историей человека – на одну затяжку. А может, затяжка уже сделана, остался только тот самый «последний выдох».

Объем потихоньку рос, книга вырисовывалась, и в

какой-то момент я решил, что настало время вернуться к кислороду. Как и в прошлый раз, набираю «содержание кислорода», но понравившегося мне дяденьки на прежнем месте не оказалось - ни на второй страничке, ни на третьей. А на четвертую я обычно не заглядываю – терпения не хватает. Ну и ладно… Я же помню: шестнадцать процентов… А как бы узнать, при каком содержании жить еще можно, а при каком – уже нет? Набрал «недостаток кислорода», интернет подсказал: «гипоксия». Смотрел–смотрел - не нашел ответа. Правда, порадовали Брокгауз и Эфрон: « Кислородное голодание сопровождается целым рядом весьма тягостных припадков. Если оно наступает медленно, то замечается потеря аппетита, вялость и медлительность произвольных движений, быстрая утомляемость, одышка, сердцебиение, понижение остроты органов чувств, ослабление умственных способностей и т. д. При быстром обеднении окружающей среды кислородом…» - хоть быстрое обеднение нам и не грозит, не могу удержаться, чтобы не процитировать: – «…наблюдаются явления возбуждения в виде общих судорог, повышенной деятельности кишечника и мочевого пузыря, усиленное выделение слюны и пота…»

Как красиво все-таки раньше писали! Интеллигентно! Настолько, что сегодня не каждый поймет, о чем речь… Если бы это был словарь не Брокгауза и Эфрона, а, скажем, Аваева, то там было бы честно написано, что, дескать, если человеку не хватит кислорода, то он обос…..ся и обос…..ся в потных судорогах. Кто хочет, может считать это «рядом весьма тягостных припадков», но сути это не меняет. Обделается непременно!

Возвращаюсь к «содержанию кислорода». Строить основную главу только на основе напугавшего меня доклада я все равно не собирался и полез смотреть другие источники. И что же? Оказалось, что дяденька-то тот просто паникер! Кислорода сегодня, как и в восьмидесятом, двадцать один процент. Другие дяденьки - члены, доценты и доктора ничуть не хуже, убедительно доказывают, что даже когда мы спалим на этой планете все, что только можно, его убудет только на два процента! А что Академия Наук? Как обычно: «Все так, все сходится…».

Я, узнав это, конечно, расстроился. Книга, на треть уже написанная, развалилась на глазах, как будто из нее убрали всю похабщину!

Сперва я решил обидеться на всех этих «членов» вместе с их академией, закрыть папку «Последний выдох» и больше никогда ее не открывать. Потом - что лучше вообще переместить ее в «корзину»… Потом стало жалко того, что уже написано, и родилась мысль: найти все-таки того дяденьку, где-то он ведь есть… И точно! Вот он, на пятой странице «содержания кислорода»! И шестнадцать процентов при нем, и ржавчина, как враг всего живого, и Академия Наук: «все так, все сходится…».

Вот, вроде бы, и хеппи-энд: почти написанная книжка уже не разваливается, можно действовать по первоначальному плану, правда, не упоминая о том, что сам я, поднимая панику по поводу отсутствия кислорода, уверен, что никакого отсутствия не предвидится.

И тут на помощь мне, уже почти сдавшемуся перед

собственным малодушием, пришел Мюнхгаузен:

-Я мог позволить себе не врать! А ты что, хуже?

И ведь помог! Пусть я совершил немного меньше подвигов, чем он, но я тоже не вру! Да пусть развалятся хоть все мои книги! Да пусть из них исчезнет вся похабщина! Я честно пишу:

-Люди, б…! Ешьте кислорода, сколько вы, б…, хотите! Покупайте хоть самые епрстлитровые моторы, летайте самолетами каждый день, жрите кислородные коктейли после каждой выкуренной сигареты и оставляйте свои ворота - х… с ними - ржаветь у меня во дворе: не грозит вам «ряд весьма тягостных припадков»!

ДРУГИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИИ

.

Есть немало других экологических проблем, грозящих человечеству. Последствия их несравнимы с ядерной войной, зато их много. Вот, например, разрушение озонового слоя. Если сейчас прямо надо мной образуется озоновая дыра, то последствия для меня будут не как от ядерной бомбы, а всего лишь как от нейтронной. А от нейтронной довольно легко защититься. Можно носить свинцовый костюмчик, можно опуститься под воду на глубину больше десяти метров или закопаться в землю. Есть, правда, будет нечего: растения и животных, составляющих мой рацион, с собой не закопаешь, а на поверхности они все вымрут. И хоть за последние годы озона, как говорят, стало больше, перспектива продолжить

жизнь под водой все еще актуальна.

Фреоны сегодня производят такие, что они не разрушают озон. Но те, первые несовершенные фреоны, которые производились десятки лет, никуда не делись. Никто их не утилизировал и не собирается. Все они так или иначе оказались в атмосфере, а те, что еще не утекли в нее из валяющихся по всей планете древних холодильников, непременно утекут. И каждая молекула распалась или распадется, освобождая атом хлора, который живет от семидесяти четырех до ста одиннадцати лет и уничтожает за свою жизнь до ста тысяч молекул озона.

Конечно, фреоновое влияние постепенно снижается, и я рад бы верить, что все будет хорошо, но вот как-то смотрю - а любимые мои елочки в дворе обгорели с южной стороны. Хвоя покоричневела. Я тогда значения не придал - мало ли что, а теперь читаю в интернете: как раз тогда, несколько лет назад, над Сибирью стояла дыра. Озону было меньше на треть. Кстати, и загорать тогда, помню, особенно настойчиво не рекомендовали.

Пуски ракет и самолеты, как утверждается, уже сегодня отодвинули фреоны в деле уничтожения озона на второй план. При этом строители аппаратов для космических туристов прыгают от радости: уже сотни тысяч желающих стоят в очереди… Производители свинца тоже могут попрыгать: когда хлопчатник обгорит до коричневого цвета свинец будет очень востребован в легкой промышленности. Озоновая проблема экологии, как мы видим, не решена. Она выходит на качественно новый уровень. А когда выйдет, то уж точно не сможет быть решена.

Загрязнение, разрушение биоты, истощение почвы, опустынивание, генетическая эрозия, новые, неизвестные ранее вещества… По степени гробальности для экологии эти проблемы явно уступают потеплению, но зато их много и действуют они одновременно. И никто не знает, как взаимодействуют… Каждый год промышленность начинает выпуск тысяч новых веществ, и никто не знает, какое из них может быть глобально вредно, как фреон, который производили много лет, а потом хватились. А похолодание? Тут задумаешься: может, уж лучше потепление? Война, наконец. Та самая, ядерная. Или это не проблема для экологии? Кто сказал, что эта опасность навсегда миновала? Вы уверены, что государства управляют своими военно-промышленными комплексами, а не наоборот?

МИЗЕР В ТЕМНУЮ

Собрались мы как то с друзьями на преферанс. Играем вчетвером. Рыжий, который сидит напротив меня, сдал мне «мизер», но, уж больно «ловленный». Играть – страшно, не играть – жаба… Самый естественный выход – предложить Рыжему, который «сидит на прикупе», сыграть в «пополаме»…

Еще до этого случая соблазнил я как-то одну блондинку. К сожалению, лишь на мизер в пополаме. Девушка попалась несговорчивая:

-Нет!.. Ни за что на свете!.. Могут случатся «вагоны»!.. Но, пыл свой сдержать не в силах, я придумал убийственный для блондинки аргумент:

-Ты можешь себе представить, - спрашиваю, - расклад, при котором они нас «ловят»?!
Она не могла. «Вагонов» мы с ней в тот раз огребли прилично, хотя представить расклад, при котором нас «не ловят», было куда труднее.

Рыжего так запросто не соблазнишь – не блондинка. Он может представить себе все, что угодно. Но в тот раз, почему-то не захотел и согласился. …И ведь проперло! Так у наших оппонентов «разлеглось», что не ловился наш мизер!

Через игру – я на прикупе, Рыжий протягивает мне карты:

-На, посмотри…

-Давай! – соглашаюсь я, хотя мизер еще ловленней, чем в прошлый раз.
Снова не поймали… Еще через игру – он сдает, я предлагаю. Партнеры наши еще после второго нашего мизера загрустили, а когда и третий проканал, вовсе перестали в карты смотреть.

У меня уже ощущение, что так будет всегда:

- Ну, что? – сдавая в очередной раз, предлагаю я. – «В темную»?

- Мизер? В темную? Я бы все-таки карты посмотрел. И вообще, давай лучше выпьем, закусим, сходим кой-куда. – попытался остудить меня Рыжий.

- Че ходить-то! Давай, пока прет, в темную!

Если бы мне сдали тот мизер не в темную, то я бы постеснялся предложить его даже блондинке. Дыра на

дыре! Но и его мы сыграли.

Есть ли на свете преферансист, который мне поверит? Особенно после того, как я подчеркну, что играли мы не с детьми, а с людьми, искушенными в преферансе? Не думаю. Я и сам понимаю, что так не бывает. А если и бывает, то раз в миллион лет. Но, было! Могу поклясться чем угодно! У меня и три свидетеля есть!

Когда я наблюдаю за игрой человечества в «цивилизацию», у меня возникает вопрос: «Мы все что - блондинки? Мы что, не можем представить расклада, при котором любая из «дыр», будь она озоновой, парниковой или еще какой, станет той «ловленной» картой, за которой обычно следуют «вагоны»?

Расклада представить не можем, ощущение, что так будет всегда… Понимаю. Но в темную-то зачем? Давайте хоть карты посмотрим. Создадим науку, которая ответит нам на вопрос, какая масть ловленная, а какая нет. А до того сделаем в игре перерывчик: выпьем, закусим, вспомним былое, сходим кой-куда. Не надо торопиться в этой игре: мы все тут в пополаме.

Ребята! Человечество! Игра, в которой можно не думая орать «мизер» много раз подряд и выиграть, уже сыграна. Мною и моим другом. Следующая – через миллион лет. Вам – не светит…

АПОКАЛИПСИС НОМЕР…

-По этому вопросу могут быть только два мнения. Одно мое, и другое – ошибочное.

Из армейского фольклора.

Апокалипсисов напридумывано много. Просто неприлично много. Каких только нет! На любой вкус. Хочешь – «сегодня», хочешь – «2013». От Мэла Гибсона и от Иоанна Богослова. Уэллс, Беляев, «По-голливудски»… Я бы, во избежание путаницы, предложил все их пронумеровать. Только кто будет этим заниматься? Уэллс с Иоанном Богословом в свое время сей проблемой не озаботились. На Гибсона тоже никакой надежды. Пришлось самому. Мне ведь, в конце концов, больше всех надо. Ну, вы понимаете: не хочу, чтобы мой апокалипсис - самый апокалиптичный из всех апокалипсисов - затерялся среди множества других, непронумерованных апокалипсисов. Я проделал титаническую работу и могу с уверенностью сказать, что до меня человечество придумало две тысячи сорок семь апокалипсисов. Стало быть, мой – две тысячи сорок восьмой. А список «домоих» апокалипсисов с их нумерацией я издам позже отдельной книгой. Не обещаю, что скоро, но постараюсь успеть. До апокалипсиса.

Мой, две тысячи сорок восьмой, отличается от предыдущих принципиально. Все ранее придуманные начинаются с какого-то события: упал метеорит, прилетели инопланетные захватчики, второе пришествие, бунт

роботов… В моем ничего такого сверхъестественного нет. Все просто и буднично. Апокалипсис номер две тысячи сорок восемь, как и положено основательной конструкции, состоит из множества деталей. Из маленьких, частных апокалипсисиков. Некоторые детальки уже сделаны. Все знают, что Арала сегодня нет? Был, шумел, жил. На берегу жили люди: чинили корабли, ловили рыбу, растили детей. Работали на почте, в школе, в милиции. Но случился с ними их местный апокалипсис. Не стихийное бедствие, а именно он, апокалипсис, потому что после стихийного бедствия все едут на ликвидацию последствий, а тут все разъехались подальше от этих мест, потому что последствия – навсегда. Сколько таких кирпичиков уже лежит в основании две тысячи сорок восьмого? Чернобыль, Фукусима… Но это по-крупному, так, что весь мир знает. А по мелочи? Любая свалка бытовых отходов – это апокалипсис того места, на котором она расположена. На этом месте ничего, кроме мусора, нет и никогда уже не будет. А дальше? Вот, в результате глобальных процессов, наше прекрасное континентальное лето стало чуток теплей. Сухих дней стало капельку больше. Тайга наша горела и раньше, но такого… Когда миллионы сгоревших гектаров вырастут обратно? Ботаник скажет: «Через восемьдесят лет». А я, усомнившись, подсчитаю.

По данным «Лесного дозора», научной организации Сколково, в России ежегодно выгорает до пяти миллионов гектаров. Это пятьдесят тысяч квадратных километров. Если поделить на протяженность южной границы – десять тысяч километров, то получим пять километров. Что это такое? Это средняя скорость наползания на нас Казахских и Монгольских степей. Пять

километров в год. А в две тысячи десятом получилось почти одиннадцать. И во втором - тоже сильней, чем обычно. Вот начался пожарный сезон пятнадцатого. Мощно начался. Когда закончу книгу, он уже закончится. Залезьте в интернет, посмотрите, каковы итоги.

Пожарные годы все чаще, пожары все больше. По прогнозу «Лесного дозора», при продолжении изменения климата к концу века пожароопасные периоды увеличатся в лучшем случае на двадцать пять суток в год, а в худшем – до пятидесяти. …Никогда не вырастет новый лес. Нам, жителям лесов, светит степь. Кому-то через сто лет, а кому-то уже завтра. А что светит жителям степей? Правильно! Белое солнце пустыни…

Опять мы видим местный апокалипсис. И не такой уж и маленький. Ведь в пустыне население гораздо меньше, чем в степи, а в степи меньше, чем в лесу. Куда денутся излишки народу? Переселятся куда-то, и опять навсегда. А в другом месте наводнения все чаще и воды все больше. Сегодня жители тех мест после каждого наводнения мешки с песком с тротуаров убирают до следующего раза, но если так пойдет… Не каждый же год их туда-сюда таскать! А если в год не по разу? Побегут, как миленькие, искать места посуше. А где-то дырочка озоновая. Маленькая, местная, но озону убыло не на тридцать процентов, как в прошлый раз, а на девяносто. Люди, может, и спаслись. А животные, растения? Что за жизнь в пустыне? Опять бежим, и опять навсегда. А где-то местная война, а где-то обвал валюты или новейший реактив со склада просочился. Беженцы, беженцы, беженцы… А нашествие беженцев – похуже наводнения.

Мешки с песком не помогут. И вот уже беженцы от беженцев…

Гуманитарная помощь? Вы о чем? Лучшая гуманитарная помощь – это помощь самому себе. Вы кто? Венецианцы и роттердамцы, бегущие от потопа? Бегите, бегите отсюда!

Заборы, заборы… Все за забор, подальше от ужасного мира беженцев. Преступников уже не сажают, а отсаживают.

Тут все вспомнят, что лучшая помощь себе – это оттяпать что-нибудь у соседа. Хотя человечество этого и не забывало. Тем более что международное право умрет еще раньше гуманитарной помощи.

Война кругом. Маленькая, местная. Ядерная? Не думаю. Устроишь ядерную, потом сам устанешь от радиоактивных беженцев отбиваться. А может, и да. Убегут техасские фермеры из своей пустыни от ураганов да смерчей, где им вести фермерское хозяйство? А в Канаде какая пшеница растет! Бомбанул пару раз по городам – и засевай! Они на такое не способны? Да ладно, знаем мы. Способны, но не будут по причине нерушимой дружбы? Да и дружбу эту мы знаем.

А вот в зоне местного апокалипсиса оказался десятимиллионный мегаполис, а вот – небольшая страна.

Что будет там твориться, если прекратится управление, электроснабжение, работа полиции?

Чем все это закончится? Вымрем? Выживем? Да не важно это. Важно другое. Мир наш станет таким, что жить в нем не захочется.

КИРДЫКОЛОГИЯ

Изучал я однажды физику. Физика мне понравилась. Все логично и незыблемо. Кинешь вверх – упадет вниз, нагреешь – расширится, зарядишь – разрядится. На любой конкретный физический вопрос – абсолютно конкретный физический ответ:

- А какую работу совершит газ при расширении на столько-то литров при таком-то давлении?

-Столько-то джоулей.

-Точно?

-Абсолютно!

-Кто считал?

- Иванов, восьмой «Г».

- Иванов? Так ты же троечник!

- Да хоть двоечник! Джоуль для тебя тоже не авторитет?

И так – на любой физический вопрос. Четкий ответ за подписью светила.

Нравится мне физика. Серьезная наука.

Кирдыкология не нравится. Вопрос к ней всего один, а ответов… «Скажи-ка, дружище кирдыколог, когда полный кирдык наступит? Сколько ты нам накукуешь?» Один накукует кирдык через сто лет от потепления, другой через пятьдесят от похолодания, третий… Несерьезная наука. Оно и понятно. Сколько денег можно хапнуть, если продать по хорошей цене, например, сверхпроводимость? Замена всех аккумуляторов на всех автомобилях мира на новые, сверхпроводимые. Замена всех автомобилей на электрические. Да много чего еще. Новые инвестиции, новые производства, новые рынки… Такие деньжищи! Или фармацевтика. Сколько приносит каждая новая таблетка? Все науки, кроме кирдыкологии, делают деньги, вот и результаты налицо. А кирдыколог все на общественных началах. Куковать просят, а денег не платят, исследования не финансируют.

Что предлагаю? Профинансировать, конечно. Чтобы это была наука. Чтобы серьезные ученые работали в серьезном институте и рассчитали-таки один-единственный ответ на один-единственный вопрос. И авторитетная подпись обязательна.

Дело-то вроде нехитрое. Сколько на свете физических, химических, сельскохозяйственных, энергетических и еще каких угодно институтов и академий? В каждой стране свой, да не один. И работают они наперегонки: чья таблетка первая – тому и приз. А тут нужен всего один институтик. Один на весь мир!

Какой смысл знать о том, когда кирдык, да еще тратить на это деньги, при том, что это все равно ничего не меняет? Железный! Человек давно доказал, что с

осознанными опасностями он способен справиться. Например: кирдыкология уверенно прогнозирует начало апокалипсиса через тридцать лет. Это уже не вопрос оптимизма или пессимизма, а знание. Вы лично станете планировать рождение ребенка, зная, что ему предстоит? А если все человечество об этом подумает, то это уже многое меняет.

КОГДА?

Воображение важнее, чем знания.

А. Эйнштейн

Наука не изучает этот вопрос. Мы же с Эйнштейном предлагаем его на интуитивную экспертизу. Вот лично вам что подсказывает интуиция? Можно ли безгранично увеличивать производство на планете? …Правильно… А вот как, по-вашему, во сколько раз надо увеличить производство, чтобы Земля надежно задохнулась? В десять? В сто? В тысячу? Не могу представить себе оптимиста, который скажет, что если производство увеличится в тысячу раз, то цивилизация будет прекрасно себя чувствовать, людям будет так комфортно, безопасно и счастливо, как никогда до этого, а апокалипсис случится только тогда, когда производство возрастет в две тысячи раз по сравнению с нынешним.

А между тем, каждые десять лет производство на

планете удваивается. Причем люди делают все возможное, чтобы темпы эти не снижались, а наоборот…

Посчитаем…

В ближайшие	10 лет	производство вырастет в 2 раза…
В ближайшие	20	в 4
	30	8…
…	60	64
	90	512
Ну и, наконец,	100	1024 раза!

Что подсказывает вам интуиция? Сколько вам, вашим детям, вашим внукам жить осталось? Оптимиста тоже «обрадуем»: через сто десять лет, если все будет хорошо, производство возрастет ровно в 2048 раз!
…Опять двадцать пять…

ЧЕЛОВЕК БЕЗУМНЫЙ

Так какая же опасность самая главная? С чем надо бороться немедленно, а с чем подождать? По-моему, ответ очевиден. Кто засоряет, пожирает, вырубает? Изобретает новые вещества и запускает ракеты? Ведет малые войны и готовится к большой? Вот она, самая главная опасность для человечества - человек. Он обязательно себя уничтожит - не так, так по-другому. Самоуничтожение в его природе.

Но ведь мы не виноваты. Жадность, агрессивность и все остальное, что ведет к

самоуничтожению, заложены в нас на уровне инстинктов. Как можно бороться с собственными инстинктами?

В человеке на уровне инстинктов заложен страх высоты. Но мы преодолеваем этот инстинкт, раз этого требует прогресс: человек, он ведь, Разумный!

БАРАХЛО

Если б я имел коня
Это был бы номер…
Если б конь имел меня
Я б, наверно, помер…

Из анекдота про Вовочку.

Все мы его имеем. Кому повезло –побольше, кому нет – поменьше. Даже у бомжика, роющегося в помойке, все равно какое-нибудь барахлишко есть – не конь ведь! Человек!

Не может человек существовать без барахла. Не может жить полноценно, если его барахло хуже, чем у соседа. Нам нет душевного покоя, если мы чувствуем, что цена нашего барахла недостойна нас. Мы работаем в две смены и на трех работах, стоим в пробках, пытаясь все это успеть и нюхая воздух, по поводу содержания кислорода в котором у нас нет ни доброго слова, ни научного

консенсуса. Можно, конечно, уехать на свежий воздух и жить там, но разве на свежем воздухе все барахло заработаешь? Отдых?.. Вы о чем, вообще?! На недельку в году пожить в отеле возле моря, на самолете, конечно, чтобы и часик лишний не пропал, три тысячи фотографий «Я и Европа» - и назад… Барахло не потерпит, чтобы на него пахали в свободное от отдыха время.

Оно не терпит и того, чтобы вместо полноценного сна перед телевизором в преддверии завтрашней гонки за деньгами мы просто поиграли бы с детьми, выпили с друзьями или сделали бы что-нибудь бесполезное для дома, на чем давно настаивает жена: всем им будет заявлено одно и то же: «Если я не отдохну, то что я завтра заработаю?!».

А как иначе?! Разве не стоит всех жертв, которые мы приносим нашему барахлу, момент первого им обладания?! После всего того времени, что оно нас имело, заставляя батрачить на себя, мы, наконец, имеем его! Каков момент! И тебе номер, и не помер! И даже язык не поворачивается назвать это барахло барахлом. Сегодня. А завтра другое барахло, еще лучше сегодняшнего, завладеет нами, пришпорит и будет иметь нас до того самого момента, пока, наконец, мы его сами...

Мы привыкли судить о человеке по тому, что у него есть. На самом деле он есть то, о чем мечтает.

Мечтает о процветании Родины – он и есть это процветание

Мечтает о счастье своих детей – он и есть их счастье.

Жаль, но все чаще сталкиваешься с людьми, мечтающими о барахле.

САМОЕ НЕВКУСНОЕ САЛО

- Сало, сало… Достало!

Из рекламы.

Звонит мне как-то приятель мой Андрюха и говорит:

- Вчера с Украины приехал, сала привез! Домашнего! Приезжай! Забери шматок – другой!

Шматок сала… Да с Украины… Да домашнего - в магазине не купишь… Да не шматок, а шматок – другой!.. Я не просто представил его, а представил в формате 4D. Или, может, даже пять. Изображение, запах, звук наливаемой под это дело… Потом вкус и ощущение счастья в желудке. На какие-то мгновения эта многомерная картинка заслоняет от меня реальность, сало выходит на первый план, и за ним не видно ни рабочего дня, ни обязательств перед деловыми партнерами, ни тем более идиотских обещаний жене: пойти туда и туда и купить то и то и еще неизвестно что. Я судорожно соображаю, какие из назначенных на ближайшее время дел можно отодвинуть на потом ради того, чтобы срочно съездить к Андрюхе, шматки кажутся мне самой

главной ценностью на свете. Материальной – материальной и одновременно духовной – духовной. Способствует этому и Андрюха, который ни на мгновение не перестает говорить, раскрашивая сало прожилками, запахом дымка, перчиком, укропом… Не забывает и про жареную картошку со шкварками…

…Не поехал я за салом. Сейчас! Брошу все дела и понесусь за салом с Украины, когда свое собственное не знаю куда девать. Сало, самое омерзительное на свете, которое я никак не могу съесть, как ни пытаюсь – настолько оно невкусное. Я его просто ненавижу – то сало, что свисает поверх моего брючного ремня.

Каждый день я просыпаюсь и долго каюсь перед самим собой за вчерашний ужин. И зачем я, Желудок позорный, сожрал вечером под чекушечку, между салатиком и чаем, две тарелки макарон по-флотски, что не доели дети, и потом еще четыре чебурека изжарил?! Ладно, макароны по-флотски и чебуреки – это понять еще можно. А полбулки хлеба вмял зачем ? Тогда как еще утром поклялся всей своей оставшейся жизнью, что сдохну, но обойдусь салатиком и чаем.

- Ну, ладно. Не получилось вчера подвиг совершить. Бывает… Но сегодня! …Чем бы еще поклясться?

Сползаю аккуратно с кровати, чтобы не нагружать лишний раз мощным весом немощный позвоночник, и несу свое сало на работу, на какие-то

встречи, по магазинам…

Я знаю, сколько нужно есть, чтобы похудеть до своих любимых восьмидесяти килограммов. Знаю, сколько нужно есть, чтобы потом этот вес держать. По сравнению с тем, сколько я ем обычно, это не «есть», а так, «зубы пачкать». Но ем, перерабатывая в несколько раз больше добра, чем необходимо. Организм, конечно, борется с моим обжорством как может: всасывает только то, что и переваривать особо не надо, а то, что потяжелей – поскорей сквозь себя, и - на выход. Но силы не равны. Хочет он, или не хочет, а от заготовки сала никуда ему не деться.

Не люблю я это сало. Не только потому, что каждый день, с утра до ночи вынужден таскать с собой, куда бы ни пошел, два ведра этой гадости, а еще и потому, что не у одного меня свисает. Миллиарды людей, как я, таскают свое невкусное сало, и многие не два ведра, а куда больше.

Казалось бы, мне-то что за дело? Нравится им – пусть носят!

Не знаю точно, сколько на планете накоплено этого сала, но примерно – двадцать миллионов тонн. Кто не верит, пусть проверит с калькулятором – это довольно просто. Представить, сколько миллиардов тонн гамбургеров, макарон, вкусного сала и прочего корма понадобилось для откорма, гораздо труднее. Подсчитать такое под силу лишь серьезной науке - той, которую еще даже создавать не начали.

А воображение? Вообразите себе мощь мировой индустрии этого скотоводства! Миллионы фермеров и колхозников выращивают что-то на полях и фермах, миллионы рабочих перерабатывают все это, упаковывают. Другие рабочие, конструкторы , инженеры производят оборудование для выращивания, переработки, упаковки… Наука – на переднем крае борьбы. Одни ученые день и ночь модифицируют гены продуктов, чтобы снизить их себестоимость, другие ищут ген старения невкусного сала, чтобы продлить его жизнь и тем самым кардинально увеличить запас его на планете. Невообразимое количество фур развозит корма по супермаркетам… Другие фуры развозят по аптекам чай и кофе для похудения и таблетки от последствий употребления как кормов, так и чаев. Свалки не успевают перерабатывать упаковку, а предприятия очистки – канализацию. Для обеспечения этой всемирной фермы строятся новые и новые электростанции. Миллионы бизнесменов руководят этим, а миллионы охранников охраняют. Танкеры везут во все концы света нефть, из которой сделают бензин для перевозки кормов, оборудования, чаев, мусора и, в конце концов, конечного продукта – невкусного сала: сами-то мы его можем дотащить лишь до машины. Десятки премьер-министров съезжаются со всего мира и ломают головы над тем, как обеспечить увеличение темпов мирового привеса… Что могут противопоставить наши безвольные организмы этой индустрии, буквально заталкивающей в них в несколько раз больше продуктов, чем необходимо для здоровья? Никуда им, бедным, от заготовки сала не деться!

И все это для откорма обычного, я бы сказал,

заурядного, ширпотребовского сала. А оно ведь бывает и незаурядным. Встречается такое, что вскормлено на устрицах, лангустах, пойманных за два часа до завтрака и доставленных за пару тысяч миль, винах прошлого века….

Такое ощущение, что у цивилизации одна цель: вырастить максимальное количество невкусного сала к моменту окончания последнего выдоха. Хотя, может, в этом есть смысл…

САМОЕ ВКУСНОЕ САЛО

-Что-то не нравится мне этот Василий Иваныч…

-Не нравится – не ешь!

Из анекдота про Чапаева.

Сидим мы как-то всей семьей за обедом. У каждого в тарелке с супом – по ребрышку с мясом. Пытаясь внести в поглощение пищи интеллектуальную составляющую, спрашиваю восьмилетнюю дочь:

-Саша, какая это часть тела?

-Ребро – отвечает она.

В разговор вступает четырехлетний Ваня. Он задумчиво глядит на ребро в своей тарелке:

-Папа-а-а… А мы этого дядю победили?

Поржал я, конечно, а потом подумал: «А парень-то прав!»

В самом деле, дядю не продают в магазине. Значит, чтобы его съесть, его необходимо победить. А сколько на свете дядей, которых я могу побелить? Да сколько угодно!

Я теперь не боюсь апокалипсиса №2048. И пугать им больше никого не буду. Что это за апокалипсис, если после закрытия магазинов и уничтожения запасов останутся миллионы тонн сала, которое не надо откармливать, хранить и даже покупать. Мне и моим детям надолго хватит. Можно даже посчитать, на сколько…

Допустим, туша дяди, которого я победил, оказалась как у меня: восемьдесят с небольшим. Если я буду в день съедать по два кило, то хватит на сорок дней... Сорок дней… Кто бы мог подумать, до чего все взаимосвязано! Далее допустим, что все остальные победившие жители планеты победили равные себе туши. Выходит, что через сорок дней после первого забоя мы, победители, справляем поминки по половине человечества. Туш осталось еще три с половиной миллиарда. Еще через сорок дней – полтора… Продолжив этот ряд, получаем, что до того момента, когда останусь на планете один, я справлю поминки тридцать два раза, причем тридцать вторые случатся через три с половиной года после закрытия магазинов! А если потреблять не два, а полтора кило в день? А если дядей выбирать хорошо нагулявших, чтобы на

подольше хватило? А если не одно сало жрать, а иногда, для разнообразия, картошечку изжарить со шкварками, да еще поститься вовремя, чтобы Всевышнего не прогневить! Кроме того, вкусное сало как продукт питания выйдет на первый план не завтра, и поголовье к тому времени может кардинально увеличиться. Не так уж и страшен этот «две тысячи сорок восьмой», если темпы прироста невкусного до поры сала будут и дальше возрастать.

Как перспективка? Мне тоже не нравится. Но, изменится бытие – изменится и сознание.

КРИВОРУКИЙ РУКОЖОП

Волки от испуга
Скушали друг друга.

Корней Чуковский

Конечно, не все обречены стать каннибалами или мясом. Вот, например, картофелевод… Когда лапки у цивилизации подкосятся, он, наверное, и без трактора и минеральных удобрений свою картошку вырастит. Возьмет лопатку, удобрит какашечкой и вырастит. Пусть немного, но себе хватит. Пожирать собрата своего картофелевода не станет. Или как съешь, например, повара? Ведь его, чтобы съесть, надо сначала приготовить. Не приготовит же он из себя самого, на радость окружающим каннибалам, челбургер, потроха верченые с чесноком или хотя бы ребрышки на гриле.

Но все же невостребованных профессий в период апокалипсиса будет куда больше. Инженеры, библиотекари, инвесторы, дизайнеры… Несколько лет назад я организовал в своей мастерской цех по сборке парогенераторов. Собирал я их по заказу фирмы, которая ими торговала. Пока нужно было делать лишь несколько агрегатов в месяц, я собирал их сам, а когда потребовалось десять и больше, то нанял слесаря Сашу. Теперь всю работу делал он, а я только контролировал качество. И вот однажды, когда Саша собирал, а я контролировал, он начал задавать вопросы:

-А в фирме, для которой мы все это делаем, кто работает?

- Во-первых – Петрович. Фирма – его. Он владелец, директор, главный технолог. Короче: шеф и босс.

-А еще кто?

-Гена. Он - на рекламе. Маркетолог, сайты делает.

-А еще?

-Бухгалтер. Еще Коля, он деньги обналичивает.

-А Вовка чем занимается?

-Турбинами. У шефа - «бзик» на тему паровых турбин, и Вовка экспериментирует на тему: «как сжечь дрова в печке так, чтобы вода вскипела, и получилось много пара, а из этого пара с помощью турбины и генератора получилось очень много электричества».

-И как?

-Никак. Он уже несколько лет экспериментирует, и они с Петровичем все никак не могут понять, что халявы не бывает.

-Все?

-Что «все»?

-Больше работников в фирме нет?

-Почему? Еще Витек. Он - секретарша. Принеси-подай-пошел на х… Еще Леха курьер.

-Витек, Леха, и все?

-Нет. Еще Миша, Андрей и Женя. Они – помощники Петровича. Когда он отсутствует, они разговаривают с клиентами по телефону, составляют коммерческие предложения, редактируют письма. А когда Петрович на месте…

Саша, бедный, даже молоток из рук выронил:

-Да где же мне одному всех вас прокормить?!

Надо кому-нибудь объяснять, кто был самым низкооплачиваемым работником корпорации?

И так - во всем. Любой гвоздь, вбитый сегодня, вбит не молотком и рукой, держащей этот молоток, а какой-нибудь корпорацией, принадлежащей инвесторам и акционерам, застрахованной страховой компанией, при поддержке финансовых программ каких-то банков, под пристальным вниманием каких-то агентств, присваивающих корпорациям рейтинги и еще множеством «игроков» на множестве рынков.

Сегодня все эти директора и инвесторы выполняют очень тяжелую работу. А вот двадцать лет назад, когда времена инвесторов и боссов только начинались, они не стеснялись говорить, что ничего тяжелее стакана не поднимают. Не то что не стеснялись, а гордились этим!

А чего бы и не гордиться? Стакан ведь надо не только поднять. Его надо еще ко рту поднести. Не каждый сможет проделать такую процедуру, если руки из жопы растут!

Кому нужны будут в период апокалипсиса все эти рукожопы, не способные ничего ни произвести, ни поднять? И ведь таких специалистов в мире с каждым годом все больше.

Ситуация с профессиями за прошедший век сильно изменилась:

Все уж выросло давно,
Показать не стыдно.
В секретарши б я пошла,
Чтобы было видно.

Секретаршей хорошо,
А стилистом лучше.
Я в стилисты бы пошел
Пусть меня научат.

Ну а я могу пахать
Только телефоном.
Я работать бы пошел
Офисным планктоном.

Бизнесмен косит банкноты -
Это очень хорошо.
Брокер покупает лоты -
Это тоже хорошо

У лохушки нашей Веры
Братья – тоже инженеры.
И сказала Ю Ля тихо:
- Разь ви плье ха бить парт ни ха?

Подытожил мальчик Вова:
- Папа – летчик… Что-ж такого?
Вот у Коли, например,
Папа – милиционер!
Кто дела ребятам шьет?
Уж, наверно, не пилот!

Но среди всех рукожопов самый криворукий – это, конечно, менеджер по продажам. Статистики говорят, что это самая любимая профессия среди молодежи. И растут и растут во всех городах мира небоскребы и бизнес-центры, где за компьютерами сидит это несметное племя и «работает». Не работа – мечта! Сидит, пьет чай. Приходит почта:

- Надо вот это!

Посмотрел на экран, увидел, где это, кем-то спроектированное, кем-то произведенное, кем-то привезенное, кем-то хранится и сколько стоит. Потыкал в клавиши, отправил коммерческое предложение, не забыв и про свой процентик. Все! Ни работы, ни ответственности! Что такое это «это», которое только что продал, для чего нужно – не его дело. Сидит, пьет чай.

Даже писатель, и тот сможет что-нибудь написать без компьютера, а продавец – продать. Даже стилист, и тот что-нибудь скреативит. А что будет кушать

эта многомиллионная братия в своих, ставших никому не нужными офисах, если кто-то перестанет производить, возить, хранить? Или просто свет навсегда кончится? Или интернет? У этих точно выбора нет: только друг друга.

САМАЯ ЛЮБИМАЯ ЖЕЛЕЗКА

- Да отсохнет его карбюратор
во веки веков!

Из х. ф. «Кавказская пленница»

Шли мы как-то с мамой из поликлиники. Не помню, то ли я еще ходил в садик, то ли уже в школу. Мама увидела проезжавший мимо нас горбатый «Запорожец», и говорит мне: «Вот, вырастешь… Купим себе такую машинку и будем ездить!»

Почему память, потеряв имена друзей, улиц, на которых мне довелось жить, сохранила мне этот чужой, виденный всего несколько секунд «позор семьи»?

Может, потому, что именно тогда я в первый раз подумал, что жизнь без машины – это не жизнь. Мы то с мамой идем. А он – едет!

«Запор», кстати, не всегда был «позором семьи». Когда-то давно он мог быть и гордостью. Когда я жил на Колыме, в нашем поселке произошел такой случай…

Жителей в поселке было девять тысяч, а машина - легковая, я имею в виду, - только одна. «Победа», которую один ненормальный пригнал, как сейчас принято говорить, «из Украины». И вот один поселковый начальник, председатель не помню чего, получает «Запорожец». Для тех, кто не жил в то время или жил, да забыл, переведу: получает по очереди право на покупку. И, счастливый, едет в Магадан, чтобы забрать свалившееся на него счастье. Пришел на склад, выбирает… Я не думаю, что выбрать одного из трех «Запоров» одинакового цвета ему было проще, чем нам сегодня выбрать себе машину на авторынке… Ходил–ходил, смотрел–смотрел… И спрашивает: «А что это за машины стоят нераспакованные в ящиках?». Ему отвечают: «Спецзаказ!» «Хочу спецзаказ!!!» В ту пору вырвать у государства спецзаказ – это покруче, чем сейчас приватизировать какой-нибудь «Якутникель». Но тот дяденька вырвал! Приезжает домой на автобусе, «спецзаказ» должен прибыть завтра… Привезли все в том же ящике, на грузовике… торжественная встреча… столы накрыты… Открыли ящик - а «Запор»-то инвалидский.

На следующий день весь поселок прибыл к нему в приемную с поздравлениями, но не тут-то было. Дверь была заперта.

- Кто знает, куда председатель пропал?

- Да в Магадан поехал ногу отрезать!

Приехал. Нога на месте, и «Запор» сменил на обычный. Как он им потом гордился! Даже не гордился. Он просто вые…..ся! Там и ездить-то было некуда, все в двух шагах, но он ездил. Видимо, специально, чтобы повые……ся.

Пусть «Запор», пусть не спецзаказ. Жителей девять тысяч, и все идут. А он едет!

Сегодня едут все. Но как прожить без гордости? Вые……ся – наипервейшая человеческая потребность. Приходится купить «железку» подороже. Встал на такой в пробку и взираешь гордо вокруг, ловя завистливые взгляды. Через пару лет поменял на еще подороже.

А куда едем? Ну да, на работу, деньги ведь нужны! А зачем деньги?

Одна моя знакомая работала себе в Березовском, недалеко от дома. Одевалась - «на уровне», с жильем было все в порядке, с салом – тоже. Машины не было, куда в Березовском ездить? И вот нашла она себе работу в Екатеринбурге. Денег, конечно, больше. Но, без машины на новую работу не попадешь. И вот она, который год ездит на машине на новую работу отрабатывать кредит. Не успела отработать этот – уже берет другой, на другую машину. Как жила, так и живет: квартира, одежда, сало – все на том же «уровне». Растет только машина. Зачем машина? Для работы! Зачем работа? Для машины!

Как все-таки хорошо, что придумали эти «железки»! А то ведь приходилось гордиться всякой дикостью. Чем было гордиться папуасу нецивилизованному? Единственная железка, которую он мог себе позволить, кольцо в носу.

У меня кольца в носу нет. Чтобы ехать, мне не нужен «Майбах». Железный кубик на колесиках,

выкрашенный кисточкой, вполне устроил бы, если бы он мог передвигаться со скоростью, разрешенной правилами. И «Роллекс» не нужен чтобы знать время. И без «Адидаса» как-то обхожусь. А гордость есть? Конечно! Повые…..ся я ой как люблю! Собственно, этим я всю жизнь и занимаюсь. Зачем я летал, строил яхты, путешествовал на них? Зачем аквалангн, дельтапланы, автогонки? Зачем пишу книги и картины, занимаюсь изобретательством? Зачем профессии меняю раз в пять лет? Вые….сь: «Вот я какой! Вот я как могу!». А если человек никакой? А если ничего не может? Чем может повые….ся окружающая меня заурядность и бездарность? Только тем, что купила.

Я с гордостью взираю на дикарей, трясущих друг перед другом своими железками. Разве не дикость – гордиться своими достижениями в переработке будущего своих детей и внуков на кольца для носа?

СМЫСЛ ЖИЗНИ

И живу я на земле доброй
За себя и за того парня

Я от тяжести такой горблюсь…

А. Гоман

Во куда меня занесло! Смысл жизни… Сколько томов уже про него написано? Сколько тысяч. Даже имена

авторов в один том, поди, не поместятся. И какие имена…

Аристотель, Диоген, Шопенгауэр, Ницще… Я-то куда лезу? Что я могу добавить к уже написанным тысячам томов? Я даже изучить все это не в состоянии даже на троечку.

Однако просто почитать смог. И когда я это сделал, то оказалось, что смыслов этих – как сортов колбасы в супермаркете. На любой вкус. Хочешь - на тебе смысл, заключающийся в счастье, суть которого – мышление и познание. Не нравится мышление? Без проблем! Пожалуйте: смысл жизни, заключающийся в получении чувственных наслаждений, избавлении от боли, беспокойства и страха смерти. И это не подходит? Философы могут предложить еще много разных смыслов жизни. Выбирайте: умение довольствоваться малым и избегать зла; повторение образа жизни предков. Для гурманов – отсутствие всякого смысла и совет придумать себе какие-то занятия для спасения от этого отсутствия. Короче, выходит, что за тысячелетия философствования лучшие умы так и не нафилософствовали ответ на главный человеческий вопрос. Вот всегда так: чем важней вопрос, тем меньше научного консенсуса. Зато неплохо поработали на потребителя: «больше смыслов жизни, хороших и разных!».

Человечество, похоже, оказалось умнее своих философов и пришло к ненаучному консенсусу. Потребительство – вот он, высший смысл человеческой жизни. Успеть потребить за свою жизнь как можно больше.

Возьмем, например, продукты питания. Какой

смысл в их потреблении? Вроде бы железный. Человек за жизнь потребляет определенное количество жиров, белков и углеводов. А если он это определенное количество вмял в себя за полжизни? Жизнь, если мерить ее продуктами питания, прожита, но она продолжается. И мы поглощаем за второго, за третьего, за четвертого. Но потребление продуктов все же, как-то ограничено нашими физиологическими возможностями. А вот потребление не продуктов…

Если вспомнить прошлое, то наше потребление на порядки превосходит потребление наших предков. А если подумать о будущем? Если, потребляя все больше и больше, мы съедаем саму Землю, то кто тот парень, за которого я живу? Если охота на вкусное сало начнется в сотом году, то, наверное, правнук, а если в пятидесятом - то внук.

И ведь что характерно: никто не горбится. Наоборот, расправив плечи, гордо несем свои кольца и работаем, работаем, работаем. Чтобы еще поднять потребление и успеть пожить не только за внука и правнука. Вдруг получится и за сына? Вот это будет счастье! Настоящее потребительское счастье.

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

- Профессор Преображенский, вы - творец!

Из х. ф. «Собачье сердце»

Писательство во все времена являло читателю

современного героя. А герой нашего времени уже описан в литературе, или у меня есть шанс стать первым? Кто он?

Судя по персонажам, наиболее часто встречающимся в литературе и сериалах, одно из трех: либо бандит, либо банкир, либо мент. Есть еще герои мылодрам, но они по героизму явно уступают этим настоящим героям, вот уже третий десяток лет колошматящим друг друга в несметном количестве книжных тиражей и телесериалов. Я, как обычно, не поленился и подсчитал: за последние десятилетия этой публики на экране замочили на тридцать два процента больше, чем убито советских и немецких бойцов вместе взятых во всех фильмах о Великой Отечественной, и в тысячу сто двенадцать раз больше, чем, согласно милицейской статистике, было реально убито бандитов, банкиров и ментов за отчетный период. И конца этой бойне пока не видно.

Казалось бы, вот они, герои нашего времени. И ведь какие героические! Круглосуточно, не ведая страха, бьются на десятках каналов. Все согласно законам жанра: шестеро тех, кто за деньги, на одного, который за справедливость. Но все-таки герой времени должен быть личностью типичной, массовой. А в реальной жизни борцов за справедливость нечасто встретишь. Здесь соотношение с реальностью еще хуже, чем в случае с реально убитыми бандитами. И даже не в этом дело. Герой времени – это образец, на который хотят быть похожими широкие массы. Так что, если и искать героя нашего времени, читая современную литературу и глядя в телевизор, то искать его надо по другую сторону экрана, среди потребителей всех

этих «продуктов».

Не там копают нынешние авторы. Оно и понятно: они ведь деньги копают, есть им время временем заниматься!

А между тем герой нашего времени давным-давно живет и в литературе, и в кино. Мы все с ним знакомы, привыкли к нему и даже начали забывать, видимо, считая, что его время с нашим ничего общего не имеет. Но время временем, а сам то он?

Я не читатель. Поэтому познакомился с ним только в конце восьмидесятых, когда «Собачье сердце» показали по телевизору. И полюбил. А как мне было не полюбить Преображенского, когда он еще в свое время не боялся говорить: «Не читайте советских газет…». Я себе такого и в свое не позволял. А как мне, буквально обескровленному тогда горбачевским сухим законом, грели душу его слова о том, что в водке должно быть сорок градусов! Про горячие закуски я только от него и узнал. А «спать в спальне, обедать в столовой…»? Раньше я только смутно чувствовал, что жизнь должна быть устроена именно так, но каких-то подтверждений этому не было. Откуда им было взяться, если к тому моменту я только восемь первых своих лет прожил пусть в тесной, но квартире, а потом успел пожить в четырех коммуналках, комнате гостиничного типа, двух съемных комнатах, общежитии для японских вахтовиков, пяти квартирах маминых подруг, приютивших нас на время, казарме, офицерской общаге и даже хоть и в бывшем, но абсолютно

взаправдешном лагерном бараке, переделанном под общежитие? И вдруг прямо по центральному телевидению, из уст человека с двумя университетскими образованиями…

Не человек - икона. Воплощение мудрости и морали.

Позже у меня появились знакомые, которым удалось воплотить в жизнь идеалы профессора. Но это были девяностые. Те, кто в девяностые правильно закусывал, с моралью имели мало общего. Калоши воровали не у них, а наоборот. И комнаты отнимали тоже.

Прошло еще время. Идеи профессора восторжествовали. Качество пойла – ему самому такое не снилось. Закуски – он и не ведал, что такие бывают. По сравнению с сегодняшними гурманами он – просто «недорезанный большевиками помещик». И непременно в столовой. Ему бы самому такую столовую, в каких его сегодня поминают добрым словом нынешние Преображенские!

Но что-то нынешняя преображенщина не вызывает у меня восторга. Бессмысленная она какая-то. Ну, сидят. Ну, едят… Жизнь в унитаз смывают. Тот-то Преображенский не просто ел. Он при этом Швондера ругал, Энгельса в печь выбрасывал.

И вот как-то, когда в очередной раз смотрел кино про любимого профессора, до меня наконец дошло: любить-то его не за что. И уважать – тоже. Советские

газеты мне тоже были не по нутру, но в его время были вещи и похуже. Он ведь жил в стране, где буквально вчера прошли три войны и две революции, а что будет завтра, лучше было вообще не знать. Не страна, а одна на всех огромная непрекращающаяся беда. И что его, нашего любимого профессора, интересовало посреди этого бедствия? Сорок градусов, горячие закуски, чтобы не крали калоши и не ходили в сапогах по коврам. И еще вот это, из «Аиды», вы помните? Дуэт: «Ла-ла-ла»… Швондера он, конечно, за человека не считает, а вот начальника его лечит. За бумагу, настоящую и неоспоримую. А тот, может, Швондер в квадрате, да еще и по уши в крови. Да и самого Швондера лечить будет, когда начальника расстреляют. И при этом говорит девочке, которую Борменталь хотел, а Шариков привел: «Разве можно так… Из-за служебного положения…», хотя для нее, может быть, это единственная возможность с голоду не помереть.

Я знаю что многие со мной не согласятся и продолжат любить профессора и считать каждую его фразу программной речью. А Булгаков? Зачем он его сделал? Неужели мастер написал роман только для того, чтобы сказать нам, стуча по столу: « нельзя красть калоши!»?

НАШЕСТВИЕ СРАНЬЧИ

Я здесь сидел
И горько плакал
Я мало ел
Но много какал

А. Зиновьев «Зияющие высоты»

Кто-нибудь видел какающую саранчу? Я – нет. И не слышал ничего о том, когда она это делает, где и сколько накакивает. Да и неинтересно это. Саранча знаменита не тем, что какает, а тем, что ест. И поэтому любой школьник знает, что такое нашествие саранчи.

Сколько накакивает человек, я знаю. Москва, например, за год наваливает гору мусора, по объему равную девятиэтажному дому длиной 93 километра. Именно наваливает, ибо захоронение на полигоне – основной метод избавления от мусора. А сколько в Москве жилья и других построек? Коль уж мусор я начал мерить в девятиэтажках, то Москву придется тоже. Девятиэтажка получается длиной две тысячи двести двадцать два километра. Выходит, что за двадцать три года Москва производит еще одну Москву мусора!

Далее осмелюсь предположить, что все остальные люди на Земле – засранцы ничуть не хуже москвичей. Думаю, они не обидятся. Тогда получается, что каждые двадцать три года мы загаживаем территорию, соизмеримую с той, что занимают наши постройки. А сколько это? Сегодня – восемь процентов суши. Всей суши, включая и Антарктиду, и Сахару. А население растет, а с ним - города, потребление, производство мусора. И что мы так не любим этих, по сравнению с москвичами, практически безвредных кузнечиков?

ПОРТРЕТ НЕ МАСЛОМ

- Ей-богу, жалкая, ничтожная личность!

И. Ильф Е. Петров «Золотой Теленок»

Ну и портретик получился! Жадный, завистливый, хвастливый… Обжора и засранец. Тварь, уничтожающая все и вся. Каннибал, пожирающий, можно сказать, собственных детей. А что поделаешь? Мы ведь, писатели, все разные. У каждого свой жанр, свои краски. Есть писатели–сатирики, фантасты, лирики. Мне эти жанры нравятся, и я в них себя попробовал. Но не пошло. Все, к чему ни прикоснусь как писатель, будь то самолеты, яхты или еще что, оказывается вымазано дерьмом. Краски мои не отличаются разнообразием. Видимо, жанр у меня такой специфический: писатель–говномаз. Звучит не очень, но что поделаешь. Должен же кто-то сказать правду о Человеке, который, по заверениям лириков и фантастов, является венцом творения, подобием Божьим, да еще и звучит гордо.

ЭГОИСТ

Оптимист и пессимист -
Два больших философа -
Как-то выпить собрались
И покушать досыта.

Возмущался пессимист,
Балычок смакуя вяло:
«В жизни радости так мало
А дерьма – хоть завались».

Сообщал он по секрету…

Д. Кимельфельд

- А сколько литров у твоей «железки»?

-Много! – радостно отвечал оптимист. – Но лучше было бы, если бы было еще больше!

- А вот ты посчитай: помножь свой литраж на восемьсот оборотов в минуту.

-Зачем?

-Затем, что за минуту, стоя в пробке, твой монстр съедает кислород из четырех с половиной кубов воздуха и заменяет его…

-Да ерунда! У меня знакомая… Она купила гибрид! Три литра на сотню! Скоро все машины такими станут, и проблемы как не бывало!

-А ты знаешь, сколько в этом году сгорело леса? На нас наползает пустыня! Со средней скоростью…

-И что? Я был в Израиле. Там и в пустыне урожаи больше, чем в нашем черноземе!

- А беженцы? Они уже сейчас тыщами бегут из Африки в Европу, и Европа не знает, где их всех…

-Да все она знает! Ты что, новостей не смотришь? Уже придумали: затопить все суда на ихнем берегу! И хай они там дохнут, в своей Африке, от голода и СПИДа!

-А рыба? Через тридцать лет рыбы в морях не будет!

-Да какое нам дело до морей? В магазине-то будет! Вырастят где-нибудь! В прудах…

Сражались мы долго. Я, можно сказать, рубился насмерть:

-Пока все машины станут жрать в два раза меньше, их самих станет в четыре раза больше! Если пустыня придет в черноземье, то вместе с ней туда припрется и Израиль, и Африка, и еще много кто. Пешком, без всяких кораблей. И в Европу они все равно проникнут. Потопишь корабли там – поднимется цена. За эту цену найдутся желающие и здесь. Потопят все и на своем берегу? Сколько рыбы ты вырастишь в прудах? Да все пруды мира весят меньше, чем рыба, которую планета сегодня съедает за год…

Оптимист устоял. Легко и с юмором он отразил все глобальные угрозы и уже под утро поставил мне диагноз: «безнадежный воинствующий пессимист». Я не обиделся. Что обижаться, если уж я такой.

Я свой диагноз поставил ему лишь на следующий день, когда он давно ушел. В пылу полемики я упустил его «прокол», а потом сообразил. Пару раз, когда не мог быстро придумать пример, опровергающий очередную угрозу, которая станет гробальной через пару десятилетий, он запросто сказал: «Да на наш век хватит!». Не оптимист он. Самый обыкновенный эгоист. Его веку ничего не угрожает. А на век всех остальных ему просто плевать. До будущего собственных детей ему дела столько же, как до будущего тех, кому дырявят корабли. Но не может же он сказать об этом прямо. Вот и плетет про двигатели, которые не едят

бензина и растущее плодородие пустынь.

Тот эгоист, который достался мне, все-таки имеет основания для оптимизма. Он, как и я, на шестом десятке. На наш век, похоже, и вправду хватит. Но ведь на свете масса эгоистов, которым двадцать. У них причин для оптимизма куда меньше. Потоп, который будет после нас, случится у них. Может, им подумать о том, чтобы иметь моторчики поменьше? Подумайте, двадцатилетние эгоисты. Не о планете и ее будущем - о себе любимом.

Лишь в одном вопросе оптимист со мной согласился: кирдыкологию профинансировать все-таки нужно.

ПЕССИМИСТ

Позже понял, что и я прокололся. Когда оптимист радостно сказал: «Да пусть дохнут в своей Африке!», у меня это не вызвало протеста.

Я, оказывается, такой же эгоист, просто ему есть дело только до себя, а мне – еще и до своих детей. Вот и вся разница. На его век хватит, а на век моих детей, похоже, нет. Отсюда и его оптимизм, и мой пессимизм.

ХОЗЯЙСТВО

Я – хозяин. Потому, что у меня – хозяйство.

Хозяйство маленькое, двадцати соток нет, но немало в себя включает. Включает дом, мастерскую, баню, огород, теплицу, зону отдыха с находящейся в ней беседкой, промзону с находящейся на ней не совсем экологически безвредной свалкой, лужайку, бассейн, автостоянку, футбольное поле… Нет, вру. Не поле, а так, лужайка… А, я и про лужайку уже говорил…

Хозяйство хоть и маленькое, но очень удобно устроенное. Я тут и живу с моей многодетной семьей, и работаю, и отдыхаю. Спать в доме удобней, чем на лужайке. Я так и поступаю. Работаю в мастерской. Мусор – на свалку. Никогда не придет мне в голову варить обед в гараже, сваливать мусор посреди спальни или стрелять из воздушки в туалете.

Все по-хозяйски организовано. Лужайка – и грибной бор, и футбольное поле по совместительству, и аэродром для моделек, и полигон для испытания ракет. Гараж – и гараж, и верфь, и авиазавод. Все делается на своем месте. Вооруженные конфликты исключены: все колющее и режущее под присмотром, стрелять из воздушки можно только в оборудованном за баней тире, а угрожать живой душе, будь это хоть соседский кот, каким-либо оружием, будь это хоть палка, запрещено под страхом лишения свободы пользования телевизором.

А почему? Да потому, что я – хозяин! Хоть хозяйство у меня маленькое, но хозяин я большой…

Страна, где я живу, тоже хозяйство. Живут все там,

где лучше. В Москве, например. Отдыхают на теплом море, дрянь сваливают в холодное. Ракеты запускают так, что детальки их падают туда, где никто не живет. …Почти никто.

Но уже не так все гладко, как в моем хозяйстве. В стране ядерные отходы могут быть свалены посреди какой-нибудь области. Не Московской, конечно, но все же… Целлюлозный комбинат могут построить так, чтобы гадил он в Байкал, а новый жилой район в Березовском – так, чтобы он все ближайшие десятилетия сотрясался по субботам от взрывов в находящейся практически под ним золоторудной шахте. Вооруженные конфликты хоть и запрещены под страхом лишения свободы, происходят постоянно как между отдельными гражданами, так и между их организованными сообществами.

Это, конечно, плохо. Но что поделаешь… Хозяйство-то большое, а хозяин – не очень.

На планете, где я живу, все еще хуже. Хозяина тут вообще нет. Иначе как объяснить, что живущий в пустыне добывает воду, а солнечные батареи сосредоточены не там, где больше солнца, а там, где больше денег? А если кто-то возомнит себя хозяином всего этого бардака, то тут же начинает пулять ракетки, да так, чтобы не только их детальки, но и сами они попадали бы в чью-нибудь спальню. Это, конечно, запрещено, но под стахом выдачи Нобелевской премии Мира.

Если бы я стал вести себя в своем хозяйстве так, как человек хозяйствует на планете… Представляю…

ВОЙНА И МИР

Я коротенько…

Я – самый обычный гражданин. Мирный. Не хочу ни с кем воевать. Незачем мне: своего хватает, чужого не надо. А раз незачем, то и нечем: ни винтовочки в огороде не закопал, ни сабельки на стену не повесил. И по улице хожу без пистолета в кармане.

Был я как-то военным. Стоял на страже завоеваний, так сказать. Имел виды на эти завоевания тот, кто стоял против меня, или нет – уже не важно, но он тоже стоял. И вот теперь я думаю: а не дураки ли мы с ним? Стоило столько лет готовиться к войне, когда ее, слава Всевышнему, так и не случилось?

Да ладно еще, если бы мы с ним просто прогуливались вдоль границы с пистолетиками. Мы ведь летали. Я, например, на своем самолете налетывал несколько десятков часов в год. А он у меня любил покушать! В секунду - литр керосина, на форсаже – три! Сколько же кислорода я уничтожил за девять лет небеспорочной службы, сколько парникового газа произвел? И ведь это лишь малая часть вреда, нанесенного мною экосистеме планеты. Каждый год я бросал десятки бомб, вастреливал сотни ракет и снарядов, которые взрывались опять-таки не без помощи кислорода. А я ведь такой там был не один. В звене нас, например, было четверо. И пока наше звено бомбило планету, где-то работали домны, электростанции и другие экологически грязные производства, производя для нас новые самолеты,

двигатели, бомбы… А ресурс двигателя был триста часов, так что нашему звену на год одного мотора было мало. А сколько таких звеньев было в стране? А у тех, кто стоял против нас? Да они, говорят, налетывали не десятки часов в год, как мы, а сотни…

Закончилось все вроде бы хорошо: войны так никто и не объявил. Мы, участники того противостояния, сидим тихонько по норкам и вспоминаем прошедшую бурную деятельность, а наши двигатели ржавеют где-то, продолжая выполнять свою задачу по уничтожению кислорода. Жалею ли я о чем-то? Конечно нет! Летать я любил. Я столько счастья я от полетов хапнул!

На смену нам пришла молодая поросль. Теперь они налетывают, бомбят, выстреливают и удовольствия от этого получают не меньше, чем мы. И домны продолжают дымить, и электростанции. Изгаживается среда. Сильно? В 2014 году – на 1800 миллиардов долларов. Именно столько вбухал мир в уничтожение окружающей среды в виде военных бюджетов. И так каждый год. Хорошо бы, если бы и это все было лишь для удовольствия тех, кто стреляет и бомбит.

Всей бы этой Земле да хорошего хозяина! И организовать все можно было бы по-хозяйски, и к войне готовиться не надо.

САМОЛЕТЫ

Земля не может, не может не вращаться,
Пилот не может, не может не летать.

М. Матусовский

-Ну вот! Сейчас напишет, что самолеты надо вообще запретить! – скажет, прочитав заголовок, мой однокашник или сослуживец. - Дописался, летчик…
Так я ведь летчик-то так, сбоку припеку. А вот был такой летчик Чарльз Линдберг. Даже не был. Был, есть и будет национальный герой Америки, всем летчикам летчик, первым в одиночку перелетевший Атлантику. Так вот, он на склоне лет заявил, что именно самолеты являются главной угрозой экологии. Он говорил, что благодаря авиации люди «проникнут в те места, где они не нужны».

И ведь как в воду глядел. На кой черт они, эти люди, нужны на высоте десять тысяч метров? Да не один-два, а миллионы! Ежедневно восемь миллионов человек перелетают с места на место, сжигая при этом некоторое количество топлива. Какое? Ну вот, давайте возьмем для примера самый обычный «Боинг-747», зальем в него, как обычно, 262 тонны керосина и полетим на нем в Америку вместе с другими четырьмя сотнями пассажиров, что тоже дело обычное. 262 тонны нашему самолету хватило бы на 14000 километров, а мы пролетим только 10000 и израсходуем только 200 тонн. Итого: на каждого получилось по две с половиной бочки. Или другой обычный полет: двести человек на Ту-154 из Екатеринбурга в Стамбул. Посчитав подобным образом, получим бочку на каждого.

Велик ли вред от этих ежедневно миллионами штук сжигаемых бочек? Специалисты говорят, что самолеты дают 3 процента парниковых газов. По озоновой части дело хуже. Окислы азота, образующихся при сжигании керосина, уничтожают озоновый слой слабее, чем фреоны. Но так как летаем мы с каждым годом все больше, то вред от самолетов для озона уже сравнялся с вредом от холодильников и кондиционеров. Производят авиадвигатели и много чего другого, угарный газ, например. В «Учебном пособии по загрязнению окружающей среды при авиатранспортных процессах» посчитано, что один-единственный аэродром, если на нем за день взлетят и сядут пять Ил-62, десять Ту-154, пятнадцать Як-42 и двадцать Ан-2, произведет две тысячи кубометров угарного газа. А ведь это далеко не «Шереметьево». И газ далеко не углекислый, от него вред не в будущем, а прямо сейчас.

Да что я распинаюсь? Купите бочку керосина и подожгите ее у себя во дворе! Получите наглядное пособие по загрязнению окружающей среды при авиационных процессах.

Я в отличие от Линдберга авиацию главной экологической опасностью не считаю. Есть и поглавней. Но другие опасности все-таки связаны с удовлетворением насущных потребностей. От автомобилей, например, вреда куда больше, но как без них? Мы ведь на них на работу едем! Не поедешь – кушать будет нечего.

А какой смысл в том, чтобы купить пару бочек керосина, затащить их на небо и сжечь там, задумчиво глядя в иллюминатор? Зажравшиеся люди, чтобы хоть как-то себя развлечь, летят чем дальше, тем лучше, чтобы поглазеть на

какой-нибудь дом с финтифлюшками, сфотографироваться со статуей, слопать с видом дегустатора неизвестно из чего приготовленную еду и накупить сувениров в память о незабываемом приключении.

Конечно, облетая полпланеты за какие-то часы, человек сильно себя возвеличивает. Но при этом как он уничижает планету! Она от этих полетов становится маленькой, тесной и никчемной. Ее здоровье и будущее для нас, жующих курицу на десяти тысячах метров, – ничто по сравнению с нашим желанием порадовать свой взгляд и вкус чем-нибудь еще не приевшимся.

Совсем запретить самолеты я не предлагаю, кто-то ведь летит и по делу. Но для миллионов бездельников, летающих ради того, чтобы ощутить себя «гражданами мира», надо создать какие-то трудности. Сколько можно унижать планету? Например, брать с них не только топливный, но и экологический сбор, да такой, чтобы им летать расхотелось.

Знаю, не согласятся со мной ни производители самолетов, ни работники аэропортов, ни авиапассажиры. И ответят мне: «Сам ведь только что сказал, что вреда от авиации – кот наплакал. Всего три процента!». Но ведь ситуация-то такова, что впору думать не «от чего отказаться как от самого вредного», а «что оставить как самое необходимое».

А как быть с летчиками? С теми, кто действительно не летать не может? Я думаю, зарплату им надо будет давать, как и раньше. Платили ведь им за то, что

они летали. Почему не заплатить за то, что теперь они не летают? Тем более что от нелетания пользы больше. Поделиться с ними, чтобы они пожертвовали своей мечтой ради экологи.

ДЕЛИТЬСЯ НАДО

Делиться – это, конечно, не по-человечески. Я понимаю. Но пусть эта мысль прозвучит не как предложение. Просто как мысль.

У меня все есть. Дом: сто восемьдесят квадратов. Для семьи из шести человек – за глаза. И самим хватает, и друзьям или родственникам, если заедут с ночевкой. Машина: самая обычная, отечественная. Я на таких езжу уже двадцать один год и не страдаю от того, что выгляжу на дороге вчерашним, бюджетным, не «реальным». Хватало мне такой машины двадцать лет назад, хватает и теперь. С одеждой тоже никаких проблем: сносилась шмотка - пошел, купил что попроще, дальше живу. Не мерзну. Правда, респектабельно не выгляжу. Хотя, не очень то и хотелось. С едой проблема одна: как бы заставить себя есть поменьше. С выпивкой – аналогично. На моря детей возим обычно через год. Родные просторы тоже не забываем: походы, байдарки, лыжи, велосипеды. Игрушек у всех достаточно, все увлечения детей, кроме шопинга, поддерживаются. Доходы? Жена – учительница. Самый обычный учитель математики в самой обычной российской школе. Нет, это судя по зарплате обычный. Судя по любви учеников – выдающийся. Я – изобретатель, умелец, резчик по дереву. Еще много чем занимаюсь. Вольный художник, одним словом. Выдающийся или даже гениальный, если

судить по возможностям. Могу сделать что угодно: корабль, станок, скульптуру, забор… Но если судить по доходам, то обычный. Как учитель математики. Ну, максимум, завуч. Но при этом жена моя не мечтает о доходах завуча, а я – директора. И так хватает.

Казались бы, чего еще? Все есть, ничего не нужно. О чем еще беспокоиться? К такому счастью, да еще бы не работать! А к такому счастью еще бы не спиться!

А я вот беспокоюсь. Беспокоит меня, что кругом люди, которым всегда чего-то не хватает.

Конечно, это не Госкомстат и даже не рефераты из интернета. Это моя личная статистика. Все нуждающиеся, которых я знаю, делятся на три группы. Первая – пенсионеры. Не персональные, конечно. Им, по большому счету, хватает, но лишь на «коммуналку» и иногда поесть. Да им больше и не надо. Зачем им пять литров под капотом, последняя модель компьютера, курица на десяти тысячах метров или кольцо в носу? Разве что поесть хотелось бы не иногда… Вот если бы пенсии хватало не только на «коммуналку»… На две!

Вторая группа попритязательней – это нормальные работающие люди, нахватавшие в кредит автомобилей, гаджетов, путевок. Им по-настоящему не хватает. Если их зарплаты увеличить раза в два, то даже расплатиться по кредитам не хватит. А им ведь позарез нужны новые кредиты на новые автомобили, гаджеты и путевки!

Третья группа – вообще нищенки. Им не хватает миллионов и миллиардов. Тем нищенкам, у которых есть миллионы – миллионов, у которых миллиарды – миллиардов. Чем больше у нищенки есть, тем больше ей не хватает. Они обречены на нищенство, оно у них в крови.

И что? Мне всю жизнь терпеть душевные муки, видя окружающую беспросветную нужду?

Чтобы помочь второй группе нуждающихся, готов с ними со всеми поделиться. Опытом. Нужно посмотреть вокруг и понять: никогда еще в России не жилось так хорошо. Материальных благ, которые все мы вместе имеем для всех нас давно уже предостаточно. Объективно достаток уже наступил, но нам мешают это увидеть наша зависть и наша жадность. Осталось как-то их обуздать, и все! Изобилие! А если еще и поделиться - всего лишь одной «коммуналкой», то и всеобщее!

Нищенкам помочь сложнее. Чем больше поможешь, тем больше им будет не хватать. Но и для них есть предложение. Эксклюзивное. На www.nishenka.ru.

Вроде, все просто. Поделим все, и все! Счастье! Всеобщее! Но, мир родился не вчера. И, предложение «все поделить» - тоже. Я, когда пишу про «поделить», отчетливо чувствую за спиной злобное дыхание Полиграфа Полиграфовича: «Это моя интеллектуальная собственность!». Да ладно бы, только его! Там, за спиной - все жулье девяностых! Это ведь их, жуликов девяностых годов лозунг «делиться надо!», я использовал в своем произведении. Причем, без согласия автора!

Спешу, на всякий случай, откреститься и от Полиграфа и от жуликов. Шариков ведь говорил: «Взять, и – поделить!». Четкая последовательность: сперва отобрать, а уж потом… А вот Шариковы девяностых: вместо «взять», они говорили: «Делиться надо!», а что говорил их прародитель про «потом»… Таких слов они не знали. Исчезли эти слова из употребления: язык ведь не закостеневшая какая-то догма. Он тоже меняется, как и Шариковы.

Я не жулик. И хоть и спер их интеллектуальную собственность, ничего им не должен. Если они придут ко мне, и скажут, что раз я этот их лозунг использовал в своем произведении, то надо бы поделиться, у меня есть что им ответить…

Я предлагаю не «взять, и поделить», а наоборот, «взять, и поделиться». Не Шариков я. Наоборот, Кубиков.

ДЕЛИТЬСЯ НАДО – 2

Вообще, если озадачиться спасением планеты, то делиться придется постоянно. Про летчиков я уже сказал. А механики? Те, кто самолеты производит, делает для них керосин, продает на них билеты? А производители, например, колбасы… Что они будут делать, если население планеты вдруг перестанет объедаться перед сном? А автопром! Вот сократим мы потребление и будем менять автомобиль раз не в три года, как привыкли, а в шесть! А я?

Что я буду делать, если планета сократит потребление статуй и заборов?

С беженцами придется делиться. С теми, которые уже прибежали – само собой. Я про тех, которые только собираются бежать от голода или войны. Если с ними поделиться заранее, накормить их, напоить, защитить, может, они и не побегут. В такой дележке, по-моему, присутствует и момент справедливости. Вот, например, Африка. Веками цивилизация ее грабила, вывозя оттуда все, что можно, включая рабов. Может, благодаря именно этому ресурсу развитые страны сегодня такие развитые. Не пора ли поделиться?

Понимаю, понимаю: справедливость – это для людей неестественно. Но чувство самосохранения – вполне. Ведь если не поделиться заранее, то эти ребята сами рано или поздно проникнут в эту задолжавшую им цивилизацию, возьмут все сами, и справедливость восторжествует естественным путем: с войнами и потрясениями

МЕХАНИЗМ СОЗИДАНИЯ

- Жить, как говорится, хорошо!
-А хорошо жить – еще лучше!

Из х. ф. «Кавказская пленница»

Давно замечено, что все люди делятся на жадных и ленивых. Мне даже несложно подсчитать, в какой пропорции. Не сделал этого до сих пор я лишь потому, что являюсь ярким представителем ленивой части человечества.

Глядя, как представители жадной части, не жалея себя, пытаются заработать все, что только можно, я, лентяй, испытываю нехорошее чувство. Это не зависть к их барахлу, не беспокойство за судьбу всего живого, которому производство этого барахла угрожает. Оно, это чувство, еще более нехорошее. Я чувствую, что они у меня … украли! Не барахло или кислород из атмосферы. Они крадут у меня право! Мое священное право быть лентяем!

«Крадут» - слово, конечно же, неправильное. Кража – тайное хищение, а они у меня мое право изымают на совершенно законных основаниях. У них для этого есть специальный механизм - рынок. И они, даже если я буду протестовать, могут меня спросить: «А сам ты за что голосовал, когда решалось, жить нам «в рынке» или нет?». А что я могу ответить? Поразмыслив: «Да-а-а… Да-а-а… …Нет? …Да!», - отвечу, как всегда, честно: «За рынок я был тогда! Но я ведь был молодой, жадный и голодный! Как я мог догадаться, что скоро все изменится?».

А сегодня – против! И не столько потому, что стал старым и ленивым, сколько потому, что сыт. Ничего мне больше не надо, все у меня есть. Для удовлетворения своих скромных потребностей я мог бы работать месяца три-четыре в году, а остальное время заниматься тем, что мне интересно, что в моем понимании и означает «жить хорошо». Но

жадные не позволяют. Они – за спиной, дышат в затылок... Стоит мне «зажить хорошо», начинают наступать на пятки, не скрывая намерения затоптать при первом удобном случае.

Вот, допустим, работаю я резчиком по дереву. Приходит ко мне заказчик и говорит: «Хочу выпендриться – просто сил нет терпеть. А с фантазией-то проблемы! Думал–думал, чем еще поразить окружающих… Вот, может, тумбочкой? Помоги! Сделай мне такую тумбочку, какой ни у кого нет, не было и никогда не будет!». И вот я, лентяй, никуда не торопясь, делаю ему тумбочку. Полгода, не меньше. Если я вырежу быстро, то его ведь жаба задавит, что я столько денег за два дня заработал. Я ее только рисовать две недели буду:

- Как думаешь, дорогой мой любимый заказчик, вот тут, в нише для очков, что лучше будет смотреться? Ромашка или василек?

- Нет! Только хризантема! Только она идеально впишется в композицию из дубовых листьев и морской раковины! Только вырезать ее надо не реалистично, как все остальное, а штрихами, как намек. И, конечно, хорошенько отшлифовать. И вот тут еще листик. А тут завиток посильней завернуть надо, а то с вот этим завитком как-то не гармонирует…

И все, казалось бы, здорово: я почти не работаю, а денег мне, если быть поскромней, хватает. Этот - выпендривается, насколько позволяет ему фантазия, и при этом жаба не давит. Жить, как говорится, хорошо!

Но вот появляется некто, который хочет еще лучше. Своих денег ему, как всегда, на хватает, и он, как обычно, думает, как бы поиметь чужие. Украсть? Зачем? А рынок на что?

И вот уже у этого упыря стоит станок, который можно за пару часов запрограммировать, и потом он сам вырежет таких тумбочек, сколько надо. Пятнадцать минут – тумбочка. Мои деньги теперь – его.

Он, конечно, будет за свою жадность наказан: поимев мои деньги, он тут же поймет, что и этого ему мало. Но ему, хапуге, так и надо! А мы-то - я и мой бывший заказчик - за что пострадали?

Как он будет теперь выпендриваться со своей тумбочкой, если они теперь в любом магазине в кредит и со скидкой? Опять придется напрягать фантазию, с которой проблемы.

А я? Что делать мне, лентяю, пока его фантазия чего-нибудь не родит? Соревноваться со станком: кто больше тумбочек настрогает? А ведь так было жить хорошо!

Конечно, упыри гонятся не за мной, а за теми, кто впереди меня, но мне от этого не легче.

Хотя тех, кто сзади, я понять еще могу – сам таким был. Но тех, кто впереди – ни в какую… Как я, человек, у которого все есть, могу понять человека, у которого есть несравнимо больше, но при этом ему не хватает куда больше, чем есть у нас обоих? Для какого класса задачка?

МЕХАНИЗМ УНИЧТОЖЕНИЯ

Но дальше-то, дальше что будет, скажите мне? Вот газеты пишут, что ваше тесто расползется по всей земле, покроет земной шар сплошной коркой, и тогда капут. Солнце подрумянит этот земной колобок. Он, может быть, будет вкусный и питательный, только есть будет некому.

А. Беляев «Вечный хлеб»

Хоть он мне и не нравится, но тем, что у меня все есть и мне ничего не надо, я обязан, конечно, ему – рынку. Помню, как буквально на следующий день после разрешения свободной торговли на еще вчера пустых полках появились товары, о существовании которых многие прежде даже не догадывались. А дальше – лучше. Но, как известно, для того чтобы что-нибудь купить, надо что-нибудь продать. И я продаю на том же рынке то, что есть у меня: талант, трудолюбие и еще много чего хорошего. И вот у меня все есть.

Замечательный механизм! Безотказный! Стоит только какой-нибудь стране его включить - и сразу начинается построение изобилия.

Но когда начали строить, хорошо помню, никто не задумался, что именно строить-то будем. Вот когда

строят дом, то заранее знают, сколько будет этажей, подъездов, комнат. Построили все согласно проекту – «ура!». Комиссия подписывает акт, в котором русским по белому написано: «Это дом». Перерезай ленточку, заселяйся, живи да радуйся. Кто считает, что в некоторых местах не достроили, пусть читает заключение комиссии.

А строительство благосостояния получается какое-то бесконечное. Сколько в нем должно быть этажей? Никто не знает. Главное – строить. И не дай Бог снизятся темпы: заказчики протестуют, рабочие бастуют, прораб увольняет всех, кого только можно, чтобы самого не уволили.

Я уже лет десять живу с ощущением, что у меня все есть. Все, что необходимо, без особых излишеств. Коммунизм! Даже Развитой Коммунизм! Я ведь, имея по потребностям, работаю гораздо меньше, чем способен. В моем понимании изобилие уже построено. Остается только неспешно работать для его поддержания, а в освободившееся время… Короче: заселился, радуюсь. Есть, если честно, и излишки. Мог бы поделиться! Знаю многих, у кого излишков еще больше. Знаю страны, где и излишков больше, и тех, у кого они есть. Может, если все мы поделимся с теми, кто еще не заселился, и наступит всеобщая радость. И покончить с этой нескончаемой стройкой раз и навсегда. Увеличилось население на процент – увеличили на процент производство. Уменьшилось – уменьшили.

Однако строительство продолжается.

Производство всего, чего только можно, растет. Почему не выключить этот механизм? Хотя бы там, где излишки? Жадные не позволяют? Ну да. Мы, люди, такие. Невозможно нам объяснить, что если не прекратить обжираться, то будет заворот кишок.

Но когда потребление возрастет настолько, что жители верхних этажей почувствуют недостаток кислорода, а на нижних канализацию будет прорывать каждый день, наверное, и до самого жадного хапуги дойдет, что рост благосостояния пора прекращать. И скажут зажравшиеся жители Земли своим прорабам: «Хорош строить! У всех все есть!».

Работали мы с моим приятелем Вовкой как-то раз в Шорской тайге. Мы там выполняли пуско-наладочные работы, а кроме нас, в экспедиции участвовали еще корреспондент и фотокорреспондент, освещавшие в прессе наши с Вовкой трудовые подвиги. Туда нас вместе с оборудованием забросили на вертолете, а когда пришла пора возвращаться на родину, то подали лошадь. Сели в сани, поехали. В тех местах за зиму выпадает три метра снега, поэтому таежные дороги, по которым передвигаются лишь пешие да конные, превращаются в снежные коридоры. Стены в человеческий рост, под ногами – полметра навоза. Пока лошадка полтора часа шагом везла нас на перевал по такому вот желобу, мы начали дремать, но наверху, когда подъем прекратился, она побежала рысью, а когда поехали вниз, то и вовсе перешла на галоп. И вот мы уже несемся по этой бобслейной трассе. Сани трясет и подбрасывает, по бокам проносятся снежные стены, хвост скакуна развевается на ветру, перед глазами мелькают его копыта, и из-под них в нас летят комья

навоза… Страшно, но я люблю, когда страшно. За день до этого другая лошадь провалилась в снег на такой же дороге по самую грудь и сломала ногу. «Да, - думаю, - если наша сейчас провалится, то ногой тут не обойдется! Зато будет что вспомнить! Если жив останусь». Но Вовка и корреспонденты, которые сидели позади меня, видимо, бобслей не любили. Они стали пихать меня в спину и орать, показывая на возницу, сидевшего передо мной: «Скажи ему! Пусть тормозит!». Ну что ж делать? Их трое, я один… Тяну кучера за локоть, он оборачивается. Кричу ему: «Тормози!!!». А тот поворачивается к нам всем корпусом и разводит руки в стороны: «А как?!!»

Вот так же разведут руками председатели, президенты и экономисты, когда весь мир закричит «Тормози!».

Тормозов-то нет! Стоит экономическому росту уменьшится ниже трех процентов – все! Кризис! Безработные, протесты, смена правительства. Совсем не растет – революция. Пошло снижение – гражданская война.

Целые армии конструкторов придумывают, чем еще напичкать телефон, автомобиль или кофеварку, чтобы потребитель ночей не спал, мечтая о багажнике, открывающемся пинком, или сливном бачке унитаза, управляемом голосом. Дизайнеры всего мира запихивают весь этот идиотизм в нестерпимо прекрасные корпуса, а корпуса – в такие коробочки, что барахло, произведенное вчера кажется уже нестерпимо уродливым и поэтому подлежит немедленной замене. Банки «рожают» новые «продукты», чтобы все это стало доступно уже сейчас. И

если наркомания и игромания давно признаны злом, то кредитомания, наоборот, всемерно поддерживается.

Конкуренция не дает расслабляться. Не выдержал, уступил – сам виноват. Разорись, застрелись и не стой на пути у прогресса. Загнанных лошадей, как известно, пристреливают.

Не может рынок не расти, он как тесто из «Вечного хлеба». Когда есть нечего – это счастье, а потом не мы его едим, а наоборот. Механизм созидания превращается в механизм уничтожения.

Так что, выходит, изъян у механизма имеется. Отсутствует кнопка выключения. Большая, красная и находящаяся в легкодоступном месте, положенная по правилам любому работающему механизму.

Может, пора подумать о том, чтобы его совсем разобрать? После окончания стройки строительные механизмы разбирают, не правда ли?

САМОЛИКВИДАТОР

Все возможности в бизнесе будут непременно использованы. Если их не используете вы, то их используют другие.

Кто сказал – не знаю. Но кто-то сказал. А иначе почему это изречение висело на стене кабинета директора фирмы, которая не помню как называлась

и чем занималась. Что я делал в том кабинете, я тоже не помню.

Конечно, я сказал ерунду. «Рынок – механизм уничтожения!»

Рынок – механизм полного уничтожения! Можно спасти амурского тигра? Не зоолога спросите, не Ди Каприо, или Путина, сами подумайте…

Сколько стоит блюдо из этого тигра в московском ресторане? Сколько дают за его шкуру? Для кого делают лекарства из его требухи? Такой спрос не может не родить предложения. Спасут его Путин с Ди Каприо? Они, спасая его, лишь поднимут цены. Приговор тигру давно подписан, а они, пытаясь его спасти, только ускорят его исполнение.

Остановить уничтожение лесов, китов, рыбы, кислорода? Последняя на планете свежесрубленная досочка будет стоить столько, что сгорит в пожаре развязанной из-за прав на нее ядерной войны, а уж последняя затяжка кислорода… У кого поднимется рука сделать бизнес на последней затяжке, досочке, тигре? У вас, у меня?.. Не хотим использовать такую возможность в бизнесе? Ничего, найдутся люди.

А мы? Мы, конечно, за Путина, когда он защищает тигра. Но что мы скажем, если он вдруг предложит нам выключить или ограничить рыночный механизм, чтобы снизить потребление и тем спасти будущее планеты? Конечно, выберем другого. Того, кто, обеспечив максимальный рост, уверенно поведет нас к апокалипсису. На то она и демократия!

Любой военный знает, что такое самоликвидатор. Для невоенных поясню: на многих боеприпасах установлено устройство самоликваидации. Не попала ракета в цель… Бывает. Но куда она теперь? Лучше бы ей самоликвидироваться.

Если цивилизация пошла не туда, то ей, наверное, тоже. И самоликвидатор имеется: рынок, который так или иначе все уничтожит, и демократия, которая не позволит этот рынок выключить.

Так что самоликвидация – лишь вопрос времени, хотя лично я за то, чтобы идти куда надо.

ВЛАСТЬ НАРОДА

Сколько раз каждый из нас слышал, что демократия – это лучшее общественное устройство, которое люди придумали? В начале девяностых, когда наша страна делала свой выбор, мы слышали эту аксиому каждый день, да не по разу. Наверное, с точки зрения нас, людей, так оно и есть. Оно, это устройство, позволяет нам управлять своими странами и миром в соответствии со своими потребностями. Нам, влюбленным в себя тварям, у которых главное качество – жадность, главная потребность – вые…….ся, главная черта характера – эгоизм.

АНТИРЫНОК

Мне Маркса жаль, его наследство
Свалилось в русскую купель
Здесь цель оправдывала средства
И средства обосрали цель.

И. Губерман

С другой стороны, стоит только этот механизм разобрать… Уж кто-кто, а мы-то знаем, что будет. Ничего не будет! Ни пожрать, ни выпить! И ведь не мы одни экспериментировали на эту тему. Хоть у кого-нибудь что-то путное получилось? И кажется вполне логичным, что, основываясь на результатах нескольких проведенных социальных экспериментов, человечество решило раз и навсегда нерыночную тему закрыть.

Но, как известно, любой эксперимент должны проводить, во-первых, специалисты, во-вторых, так, чтобы исключить воздействие посторонних факторов. Ну и главное: повторить надо не раз, не два, а столько, сколько надо, чтобы выявить закономерность. Все данные необходимо скрупулезно зафиксировать, а потом на основе тщательного их анализа уже делать выводы. А иначе какой же это эксперимент получится?

Представьте, Дмитрий Иванович Менделеев, решив определить правильное соотношение ингредиентов, разбадяжил графин спирта стаканом воды и скушал все это, закусив яблочком. Что он запишет наутро в рабочем

журнале после того как выпьет водопровод? … «Люди! Не пейте воду, смешанную со спиртом! Никогда!!!». А если бы еще кто-нибудь на Кубе помер после рома, настоянного на гаванских сигарах, и в Северном Вьетнаме целая деревня спилась, регулярно потребляя антиобледенительную жидкость из сбиваемых самолетов и закусывая ее чашкой риса, одной на всех, то что бы я ответил Вадику, который, как обычно, в пятницу, зайдя ко мне, предложил бы отметить День Соседа?

Нельзя же на основании сомнительных экспериментов выносить приговор чему угодно, в том числе и нерыночной экономике. Кто эти эксперименты ставил? В основном, маньяки. И по большей части – кровавые. Результаты фиксировали? Конечно… Но как?! Так, что сегодня два историка могут не только иметь противоположное мнение об одном и том же событии того времени, но и одновременно быть абсолютно правыми.

Про отсутствие внешних факторов вообще говорить не приходится. Что если бы нам не надо было строить ракеты, мы бы себе ботинок сколько надо не сделали? Или чего еще нам не хватило? Колбасы? Да я сам, вместо того, чтобы жечь керосин по три литра в секунду, пошел бы лучше свиней выращивать!

Не убедил? Согласен. Чтобы убедить, нужна убедительная теория, основанная на убедительном эксперименте, а ничего этого нет. Сегодня, с одной стороны, есть прекрасно зарекомендовавший себя рыночный механизм, а с другой стороны – ничем не подтвержденные неубедительные теории.

Но ведь у этого вопроса, как и у медали, кроме двух сторон, есть еще и ребро. И как раз ребром он и стоит: если не один, а все миллиарды людей, живущих на Земле, станут жить не хуже, чем этот один, то Земля кончится. Значит, чтобы этого избежать, надо рассчитать уровень потребления, выше которого никто не должен подниматься, и выдерживать этот уровень все оставшиеся человечеству тысячелетия, корректируя его в зависимости от численности населения. Способен на такое механизм без кнопки выключения?

Вот когда плановая экономика может раскрыть свой потенциал! После того как рыночная доведет потребление до расчетного уровня, плановая, не доказавшая своих способностей развивать и увеличивать, могла бы сдерживать и уменьшать. На это-то она точно способна!

К тому же можно будет снизить издержки, еще больше ослабив нагрузку на среду. Помните, на закате Советского Союза говорили: «До чего у нас все по-глупому организовано! Топливо везем с юга, сырье с севера, а потом готовую продукцию везем обратно!». При рынке-то еще хуже. Фура с московским пивом – в Питер, навстречу – с питерским в Москву. Да что пиво… Водку возят! Нашу – в Финляндию, финскую – к нам. А какая между ними разница? Дмитрий Иванович разве непонятно объяснил? Главное – соотношение ингредиентов!

ПОЛИТЭКОНОМИЯ АНТИРЫНКА

Я не экономист. Но когда-то давно учил

политэкономию. Правда, плохо. Настолько плохо, что сейчас даже правильное название предмета вспомнить не могу. То ли «политэкономия социализма», то ли «коммунизма», то ли «марксистско–ленинская политэкономия». Но кое-что все же осталось. Помню, например, что деньги являются эквивалентом труда. Или вот еще: помню, чем капиталистическое производство отличается от социалистического. Производство – оно и в Африке производство, но вот цель его… Оказывается, цель производства при капитализме – личное обогащение, тогда как при социализме – исключительно повышение благосостояния трудящихся.

Сегодня постулаты той политэкономии вызывают у меня сомнение. Ну, в самом деле! Вот представьте себе миллиардера!

Предложил, а сам представить его не могу, поскольку с миллионерами-то толком не знаком. Ладно, упростим задачу. Пусть помрет со смеху моя жена, но представим, что я – миллиардер!

Миллиардер ведь не просто богатый потребитель. У меня – на миллиарды всяких там заводов, газет, пароходов… Нанятые мной директора всего этого нанимают начальников отделов кадров всего этого, а те нанимают всех остальных работников всего этого. В результате все это хорошо работает и приносит мне прибыль.

Прибыль хорошая, хотя своего труда я в этом не нахожу. Мой труд в том, чтобы суметь эти прибыли

потратить. С той их частью, что проем, пропью, потрачу на семью и барахло, все понятно. Но ведь еще много останется: я, конечно могу больше съесть и выпить, но не на много. Что делать с теми огромными деньгами, которые я не могу употребить как потребитель?

Тут ведь что еще важно. Я, миллиардер, управляю деньгами. Но они, деньги, в свою очередь управляют мной. Я – их слуга. А чего они хотят? Того же, что и все на свете: размножаться, размножаться, размножаться! Основной инстинкт! И я, служа своим деньгам, должен их куда-то инвестировать. Например, в строительство какого-нибудь завода. Какого-нибудь такого, чтобы его продукция была крайне необходима трудящимся, желающим повысить свое благосостояние, что даст мне возможность еще более ускорить темпы личного обогащения. Для этого я посылаю денег директору, и тот идет нанимать начальника отдела кадров. После того, как послали денег начальнику, он дал денег экскаваторщику, и тот начал рыть яму под фундамент будущего завода. Директор купил «Мерседес», начальник скатался за границу, а экскаваторщик свои деньги пропил–проел… Да, еще чупа-чупс ребенку…

Короче говоря, все мои миллионно–миллиардные прибыли в конечном счете уйдут на обычное потребительство, но у меня при этом появится новый завод, который даст мне новые прибыли, которые я опять таки инвестирую в новый завод, продукция которого еще больше повысит благосостояние…

И вдруг в один прекрасный день ко мне приходят и

говорят: «Дорогой товарищ миллиардер! Случилось страшное! Благосостояние трудящихся выросло настолько, что дальше ему расти некуда. Налицо, так сказать, всеобщее полное благосостояние. Поэтому, пожалуйста, не инвестируй никуда свои миллиарды!». Что я, миллиардер, отвечу этим, которые пришли? Да ничего! Стану я тратить свое миллиардерское время на разговоры с идиотами… В тот же день я найму специалиста по изучению благосостояния, чтобы тот узнал, чего еще недостаточно трудящимся для полнейшего благосостояния.

И что мне, бедному миллиардеру, останется делать, когда самый крутой в мире специалист сообщит мне, что развитие производительных сил на планете закончено и вкладывать мои прибыли больше некуда? Ведь если деньги невозможно потратить, то это все равно что их вовсе нет!

Любой миллиардер знает, что делать, если вдруг кончились деньги: надо открыть окно на верхнем этаже собственного небоскреба, сделать последний вдох и… Но тут-то случай другой.

Сперва я, конечно, подумаю, что если мне нельзя построить новый завод, придется удовольствоваться старыми. Но, продолжу рассуждать я, если деньги, которые они мне приносят, никому не нужны, включая меня… Не проще ли все это кому-нибудь продать? А, да ! Деньги-то не нужны… Что же, выходит, отдать?!

Хотя кому отдать, если все это теперь никому не нужно? Опять «фабрики – рабочим»? Я читал про такое в

той политэкономии, название которой забыл. Нет, видимо, сигать из окна все же придется!

Но тут мне, как и любому другому миллиардеру, придет такая мысль: «Что это я все о себе да о себе думаю. Да о своих деньгах… Я ведь не эгоист какой-нибудь! Мы, миллиардеры, в первую очередь всегда думаем о благе трудящихся! А что будут делать, если я застрелюсь, например, директор, специалист по кадрам и экскаваторщик, построившие мне предыдущий завод?

Может, нанять их на строительство завода по уничтожению продукции предыдущего завода? Опять же, если продукцию того завода уничтожить, то откуда деньги на строительство этого? Запутался я в этой политэкономии. Говорю же, не экономист.

СВИНСКИЙ КОММУНИЗМ

Хряк более или менее внятно зачитал разоблачительный доклад, неизвестно кем, для кого и с какой целью написанный. Ибанцы были ошеломлены.

А. Зиновьев «Зияющие высоты»

Когда я был маленький, то все вокруг строили коммунизм. И меня явно готовили к тому же. А иначе зачем познакомили меня с лозунгом «От каждого по способности

– каждому по потребности» раньше, чем с Мойдодыром и дядей Степой?

И ведь сколько времени прошло, коммунизм как идея, считай, помер, а я до сих пор помню свою детскую мысль: «Да как же ты их обеспечишь, потребности?! Мне разреши, так я такого потребую! А ведь я не один. Откуда все это возьмется?! Где все это поместится, если всем нам дать по потребности?!».

Никита Сергеевич же не сомневался не только в том, что поместится, но и в том, что возьмется. Причем не когда-то там, а к восьмидесятому году. Над ним, конечно, смеялись, анекдоты рассказывали, свинским именем называли. А зря! Он знал, что говорил. Просто широкие массы, услышав про коммунизм в восьмидесятом году, сразу начинали дружно ржать и уже не слышали подробностей плана его построения. А в подробностях, между тем, было четко сказано, что следует понимать под словом «потребности»…

…Две пары ботинок на человека в год, столько-то хлеба, колбасы, спичек, шесть квадратных метров жилплощади… Образование – бесплатно, семейный доктор – ни за какие деньги. Личный автомобиль? Нет, нет. Это непотребная потребность. Трамваем обойдутся. Тесновато, зато по три копейки.

Если бы мне это тогда объяснили, то, наверное, даже я, ребенок, согласился бы, что такие потребности

возможно не только обеспечить к восьмидесятому году, но и разместить на шести квадратных метрах.

А согласился бы я тогда на такой коммунизм? Нет, конечно! Две пары ботинок и трамвай… Маловато будет!

А если прибавить? Три пары, четыре… Думаю, если бы мне тогда предложили удовлетворить мои потребности так, как они удовлетворены сейчас, то я бы с радостью согласился считать это коммунизмом и трудиться за это по способностям. И не я один. Но это тогда. Сегодня, конечно, не соглашусь. У одного соседа машин больше, у другого – квадратных метров, а у третьего ботинок столько… Он - хозяин обувного магазина. И Америку по мясу не перегнали!

Да не в этом даже дело. Свинство это, когда кто-то за меня будет решать, где предел моих потребностей, тогда как на самом деле этого предела вообще нет.

Хотя переработать планету на барахло – свинство похлеще любого коммунизма.

МЕЧТА

- Вот я и миллионер! – вздохнул Остап с веселым удивлением. – Сбылась мечта идиота!

И. Ильф Е. Петров «Золотой теленок»

Я не представляю себе, как можно жить без мечты. Всегда о чем-нибудь мечтал. Мечтал так много, что теперь точно знаю, чем мечта отличается от простого желания. Мечта – это желание, кажущееся нереальным, и такое сильное, что заслоняет все другие желания и ведет нас туда, куда нам часто и не надо. Например: мечтал я летать. Если бы мне задали тогда вопрос «зачам?», то я не нашелся бы, что ответить. Мечта иррациональна. И я, не зная зачем, поступил в военное училище, хотя ненавидел армию с первого дня абитуры. Ничего не поделаешь: мечта!

Мечты потребителя, на первый взгляд, кажутся рациональными. Барахло, о котором он мечтает, имеет вполне конкретные потребительские свойства. Когда потребительство в девяностые годы только начинало свое победное шествие по стране, скупка барахла казалась естественной потребностью человека удовлетворять свои потребности, до того сильно неудовлетворенные. Подтверждает рациональность потребительской мечты и то, что мечты у них одинаковые. Если один человек мечтает о каком-нибудь идиотизме, то он идиот. Но если их тысячи… Что, все дураки? Аргумент железный.

Прошли годы. Барахла в избытке, мечты о нем чаще просто желания. Фантазия потребителя исчерпана, он уже не знает, чем еще порадовать себя и ввергнуть в зависть окружающих. Но как жить без мечты? И вот появляется новая потребительская мечта. Как положено: нереальная, иррациональная и одна на всех…

Вилла. На каком-нибудь берегу - Лазурном, например. Среди моих знакомых я насчитал семь человек,

которые мечтают о вилле. Как только к человеку приходят деньги, которые он не может потратить на обычное барахло, перед ним встает проблема: чего бы еще захотеть? А фантазии-то у потребителя – сами понимаете. Зачем ему та вилла, объяснить не может, но: «К тридцати пяти я обязан иметь виллу!!!». Гордо, чеканя каждое слово, устремив вдаль пузо и глубокомысленный взгляд: завидуйте, и я дорос до главной мечты.

БЕСПРЕДЕЛ

Девяностые в России давно уже принято называть «лихими», но я с такой характеристикой не согласен. Может, где-то и было это «лихо», да пронеслось мимо, меня не задело. Для меня все было рутинно: жил да и жил, никого не трогал. На чужое не зарился, своим с кем надо делился, и на меня не наезжали.

Как-то в разгар той рутины приходит ко мне Контуженный, хороший мой приятель. На глазах – фонари. Вообще для него это дело обычное: помимо того, что контуженный, так он еще и жил на Уралмаше. Но в этот раз фингалы были какие-то странные. Обычно, когда бьют, то синяк образуется под глазом. Цвет – от фиолетового в центре до желтого по краям. Глаз бывает заплывшим, а если залепили чем-нибудь тяжелым - пивной кружкой например, то так заплывет, что глаза вовсе не видно. А тут – аккуратные, ровного баклажанного цвета круги строго вокруг обоих глаз. Как будто нарисованные. Опухлости нет,

наоборот, из-за темных кругов глазницы кажутся впавшими.

-Кто тебя так?

-«Нива».

-Кто-о-о?

-Тормознул на перекрестке, стою, никого не трогаю… Вдруг в зад мне влетает «Нива» с четырьмя отморозками…

-Не смог отбиться? А говорил: «Деса-а-антник»…

-Да это не они меня. Я от удара вместе с креслом назад улетел и башкой обо что-то треснулся.

-А дальше?

-Я пока в себя приходил, они из машины вылезли, все пьяные. Меня вытащили. Я говорю: «Ментов надо вызвать», а они ржут: «Мы тебе сейчас труповозку вызовем!». В общем, пришлось их до стоянки буксировать. Сказали, что я их «Ниву» теперь чинить буду! Ты это… С Отморозком поговорить можешь, чтобы он с ними порешал?

Всяких разных отморозков в ту пору было много, а Отморозок – один. Его все знали и боялись. Не без оснований: он сперва бил, а потом разговаривал. А сам не боялся никого, даже уралмашевских. Конечно, были в ту пору и менты, и суды, и прокуроры… Уполномоченный по правам человека тоже где-то был. Но спасти от пьяных отморозков контуженного человека все они не могли. Это мог только Отморозок, потому, что от него самого не мог спасти никто, даже Верховный Прокурор.

Не буду излагать, кто куда ходил, что говорил, чем

стращал и сколько просил. Длинная и скучная история. А финал ее таков: за тех ребят перед Отморозком тоже кто-то похлопотал. Кто-то, видимо, менее ему далекий, чем я. Так и остался Контуженный при побитой машине и очередной контузии. Хорошо, хоть «Ниву» чинить не пришлось.

Времена беспредела ушли в прошлое - дай Бог, чтобы навсегда. Отморозков меньше, наверное, не стало, но они все чаще пытаются изображать из себя приличных людей. А когда это у них не получается (от себя не уйдешь), мы ищем защиту от них в суде.

Может, и от Отморозка теперь есть спасение. Не в суде, так в каком-нибудь другом суде. Другой инстанции, Страсбургском, Гаагском, я не знаю…

ВЕЧНЫЙ БЕСПРЕДЕЛ

Страны похожи на людей. Бывает, одна на другую так наедет, что та, вся в синяках, не знает, куда обратиться. Конечно, и суды есть, и трибуналы всякие, но спасти от отморозков они не могут. Спасти может только Отморозок - если захочет, конечно. А уж если он сам наехал… Ходи в синяках, получай контузии… И машину его не только чини, но и заправляй.

Считается, что история человечества – история войн. Думаю, не в меньшей степени это история Отморозков. Не может история без них обойтись. Какие бы ни шли века - средние, древние, новейшие, непременно из всех

отморозков выделится один особо сильный, жадный и тупой, то есть особо отмороженный. На протяжении тысячелетий они сменяют друг друга. Все закономерно: он рождается и начинает расти и крепнуть… По мере роста растет аппетит, он ест все больше. В зрелом возрасте начинает жрать столько, что не может переварить, и, наконец, откусывает такой большой кусок, который застревает в глотке. И ведь каждому следующему Отморозку не хватает ума понять, что и у него глотка не безразмерная. Жаль, а то бы жил себе вечно…

АМЕРИКА

Был пиратом жадный Билли,
Правда, Билли не любили
Ни матросы, ни пираты,
Ни детишки, ни родня

И не мог умерить Билли
Аппетиты крокодильи,
И, чтоб Билли не побили,
Просто не было ни дня!

Песня из м. ф. «Остров сокровищ»

Вот даже слово это не хотелось вставлять в свою книгу! Не люблю я ее. Но, куда деваться? Разве может книга обойтись без слова «Америка», будь она хоть о

вкусной и здоровой пище? Какая может быть вкусная и здоровая пища без ленивой американской пасты с трюфелями, американского овощного супа «суккоташ» или панкейки в американском стиле с ароматом «эрл грэй»? Я уже не говорю про гамбургер. Конечно, в названии отсутствует слово «американский», но , перефразируя поэта, мы говорим «гамбургер» - подразумеваем «Америка»! Почему у статуи Свободы в руке факел? При чем тут факел? Гамбургер – вот что освещает путь Америке и идущему за ней к вершинам потребительства цивилизованному миру. Помните, несколько лет назад выяснилось, что гамбургер за последние двадцать лет потяжелел на десять процентов? Я читал, неделю гуляли. На первых страницах газет: «Новая победа демократии!» Чуть всемирный день гамбургера не учредили! Так что без Америки кулинарной книге никак не обойтись.

Книга о потребительстве без Америки тем более невозможна. Самые потребляющие потребители живут именно там. Так что несколько абзацев, посвященных ей, вынь да положь. Но ведь я не только о потребительстве, а еще и о росте производства, выбросах CO2, невкусном сале… Америка и тут впереди планеты всей, так что уже десяток абзацев о ней просто необходим. Ну, а уж если речь зашла об отморозках… Глава! Никак не меньше!

А почему я ее не люблю? Может, просто потому, что ни разу там не был? У тех, кто был, чувства обычно другие.

Один мой знакомый, побывав там, сказал:

«Там хочется жить, там все улыбаются». Другой, приехав из турпоездки, дал более развернутый комментарий:

-Все почти как у нас… Отличия, можно сказать, в мелочах. Но эти мелочи кругом. Их так много, и они такие приятные… - И начал готовить дочь к переезду туда на ПМЖ.

Еще один мой знакомый рассказал, что, прибыв в Нью-Йорк и забравшись на смотровую площадку небоскреба, испытал оргазм от той мощи, которая открылась его взору. Причем оргазм тот своей мощью затмил все предыдущие его оргазмы. Цитирую: «понял, что только с Америкой перестал быть девственником». И здесь же, не успев даже просушить штанишки, написал стихи. Балладу о своей любви к Америке, хотя ни до визита туда, ни после, стихов не писал. Не вдохновили его ни любимые женщины, ни дети, ни Родина. А Америка смогла!

Потом - возле то ли посольства, то ли министерства иностранных дел, где в бассейне живет какой-то тюлень, потом в Лас-Вегасе, потом еще и еще где-то. В общем, описав всю Америку балладами, вернулся домой, и заявил во всеуслышание на областном радио, что поражен Америкой в самое сердце и любовь эта на всю жизнь. «Вы представьте, - говорил он, задыхаясь от любви, - они в Лас-Вегасе проигрывают денег больше, чем мы тратим на образование, здравоохранение и культуру вместе взятые!»

Прекрасная страна! Замечательные люди!

Это если посмотреть на нее изнутри. А если снаружи, то не очень-то она улыбчивая. Кому еще пришло в

голову шарахнуть атомной бомбой по городу? Или сжечь напалмом целую страну, а то, что осталось, полить химикатами? Если продолжить список, то он займет сотни томов. И тома эти, надеюсь, будут когда-нибудь написаны на процессе по делу о преступлениях Америки. Но мы ведь еще не на процессе.

Сколько преступлений уже совершил этот урка? Сколько хотел совершить, да побоялся? Сколько еще совершит, если не побоится?

Любой юрист скажет, что для пресечения преступной деятельности рецидивиста надо поймать, осудить, посадить. А тут он не просто на свободе. Несмотря на то, что руки по локоть в крови, он продолжает настаивать на том, что он хороший человек. Не просто хороший. Лучший!

Заговорился я что-то. Какой человек? Это же Америка, что тут может быть человеческого?

Человеческого в Америке много. Может, даже больше, чем в других местах. Ведь она – воплощение человеческой мечты о правильном, счастливом, справедливом устройстве мира: жить как можно лучше за счет того, что все вокруг живут как можно хуже. И если кто-то ее любит, то потому, что мечтает переселиться туда, либо у себя дома построить нечто подобное. А если кто не любит, то оттого, что понимает, насколько это невозможно.

Моя нелюбовь имеет другие корни. Я не люблю Березовский, в котором живу, за то, что он перестал

быть деревней и стал городом. Екатеринбург не люблю еще сильней: он на порядок более город, чем Березовский. Москва мне еще более противна. Ну, а Америка… Просто омерзительна!

Выходит, по моему, они, американцы, самые омерзительные на Земле люди? Они нормальные. Нормальные люди, живущие нормальной человеческой мечтой: жить как можно лучше. Они готовы ради увеличения своего гамбургера делать все что угодно: шарахать бомбами по городам, жечь целые народы, заливать химикатами целые страны. Даже падаль жрать готовы! Я имею в виду историю с миллионами мумий, которые они вывезли сухогрузами из Египта, переработали на сельхозудобрения и слопали. Еще бы у них гамбургер не рос!

Что еще надо делать, чтобы поразить окружающих своей мощью? Устраивать геноцид коренных народов. В войну вступать, только когда точно знаешь, кто в ней победит и когда. Нелюбовь всего мира приходится терпеть: не я один не люблю падальщиков. Есть и другие неприятности, которые приходится сносить. Корея, Вьетнам, Куба… Кто еще не поимел Америку?

Так что дело не в том, что я там не был. Тут зависимость обратная. Ведь тот мой знакомый, который с оргазмами, наверняка ехал в Америку, любя ее заранее. И как было не кончить, когда она оказалась еще прекрасней, чем он представлял? А я не еду потому, что опасаюсь

обрыгать ее всю, когда окажется, что она еще более мерзкая, чем я думаю.

И, что примечательно, мерзостей человечество натворило немало, но их обычно творила какая-нибудь мразь. Например, мразь захватила Германию и уже потом руками немцев устроила Ленинград, Освенцим и прочее. Другая захватила Россию и заставила нас раздувать мировой пожар в крови. Пол Пот, Наполеон, еще много кто… А Америку никто не захватывал. Как и положено демократической стране, она принадлежит американцам. Стало быть, и все преступления страны принадлежат им. Они совершаются от их имени, с их согласия, ради их гамбургера.

Впрочем, любую другую нацию я не люблю тоже. Знаю, что, дай ей волю, станет делать то же самое, что и Америка: устанавливать свое господство над всем, чем только сможет: другой нацией, шельфом, всем миром…

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

- Шакал я паршивый! Все ворую, ворую…

Из х.ф. «Джентельмены удачи»

Я чужого не беру. Никогда! Воров презираю. «Вор должен сидеть в тюрьме» - одно из моих любимых

изречений. Даже самое любимое. Каково же мне жить в стране, где все вокруг воруют направо и налево?

Насколько противно мне, человеку принципиально не берущему чужое, жить в обществе, где каждый готов стянуть все, что плохо лежит, а если и не готов, то лишь потому, что боится! А если то, что тянут, не имеет хозяина с именем и фамилией, то это и вовсе воровством не считается. Вот крал я как-то на железной дороге…

Я работал на железной дороге «рефом» - механиком рефрижераторной секции. Это такая сцепка из пяти светлых вагонов: четырех грузовых и одного служебного, в котором мы и жили и работали. Приезжаем на мясокомбинат. Груз – охлажденное мясо. Встали под погрузку. Мы с напарником, как и положено, открываем грузовые вагоны и стоим посреди рампы. Тишина, никого не видно. Вдруг все приходит в движение. Открылись массивные ворота, и из них по наклонным рельсам, приделанным к потолку, прямо к нашим вагонам поехали туши, каждая - на большом стальном крюке, который с грохотом едет по рельсу на приделанных к нему стальных роликах. Рампа наполняется гулом, сотни туш несутся на нас, раскачиваясь и сталкиваясь между собой. Через пару минут снова становится тихо. Мерно качаются туши возле открытых вагонов, и ни души. Трогаем мясо. …Свежайшее! Парное! Полчаса назад еще бегало!

А я ведь уже говорил, что грузиться мы должны были мясом охлажденным. То есть мясокомбинат, прежде чем грузить, должен был его охладить. Но не охладил. Почему? Охладить сотни тонн мяса – это энергия, время,

зарплата, износ оборудования… И все это мясокомбинатовцы решили спереть. А работу по охлаждению свалить на нас. А мы не против. Мы - «за»! Для того чтобы все охладить, мы заранее наворовали, в смысле, наэкономили нужное количество солярки, масла, фреона. Только почему они мясо выкатили, а сами не идут? Делиться не хотят. Наверняка прячутся в темном загашнике и наблюдают, что мы делать будем. А вдруг мы пойдем чай пить? Они тогда моментом нагонят три десятка грузчиков, и пока мы его пьем, все погрузят, закроют и опломбируют. Тогда нам придется делать их работу бесплатно. Вот тут мы против. Делиться надо. Поэтому мы берем большой нож, огромный градусник и поднимаем над головой, чтобы они из своего загашника видели: мы не шутим! Сейчас будем температуру мяса измерять! Не идут… Командую напарнику: «Коли!». Он засаживает ножище в тушу и сразу выдергивает обратно, а я в образовавшуюся дыру вставляю градусник. Из темного угла рампы слышится вздох сожаления и голос: «Сейчас, сейчас. Идем…». Выходят двое. У одного в руках ведро, у другого – акт приемки.

Ведро мяса! Нам оно явилось в начале девяностых, когда это была примерно годовая норма среднестатистической советской семьи. Но, будучи квалифицированными специалистами, мы с напарником угрожающе нахмурились: «Это что?». Снова последовал вздох, и они пошли назад в свой загашник. За недостающими ведрами.

Что примечательно, мясо, что было в ведрах, спокойно где-то отрезалось от туш, ведра перемещались по территории, передавались рефам, вывозились с комбината.

Где был в это время вездесущий ОБХСС? Наверное, тут же, в доле. Вот если бы я попытался незаметно отпилить от туши полкило на супчик, то, поди, сразу прибежали бы из загашника!

В другой раз мы брали картошку. Не крали, нет. Брали. Наша секция зашла на разгрузку в … В одну из столиц союзных республик. Я специально не скажу, в какую, чтобы, как сказал классик, не обидеть другие столицы союзных республик, в которые я мог заехать на своей секции и увидеть точно такую же картину: пути, на которых мы стояли, были по колено завалены картошкой. Отличной, крупной картошкой, нехватка которой, может, и привела к развалу Великой Державы. Картошке было плевать, что из-за нее разваливается Держава. Она бессовестно валялась на путях, где вагоны по ней не только ездили, но и поливали ее из всех своих выходных отверстий.

Мы с напарником, конечно, поступили так, как на нашем месте поступил бы любой советский человек: бросив все дела, мы кинулись спасать социалистическое имущество в тех местах, где оно было еще не полито. Но не успели мы спасти и одного мешка, как появились двое в пиджаках:

-Воруем?

-Почему?.. Берем!

-Да нет! Воруем! Причем в крупном размере!

-Да не смешите… Полмешка картошки! Воров нашли!

-Мы вас не рассмешить хотим, а огорчить

вынуждены. Кража социалистической собственности на сумму более десяти рублей – это кража в крупном размере. У вас в мешке – килограмм пятнадцать. А картошка сегодня на рынке…

Я похолодел, так как картошка стоила в ту пору рублей двадцать-тридцать за кило: законы были еще социалистические, а цены уже нет. Не потому похолодел, что в нашем мешке был состав преступления, вину за которое, надо искупать несколько лет. Я – ладно! Держава… Ее экономика! Мне стало плохо от того, что я узнал. Пара хороших картофелин для нашей Родины – «крупный размер»! Шок от этой правды был силен, но, мы нашли, что ответить:

-Да все равно сгниет… Если разобраться, то мы тут вообще! Спасаем социалистическую собственность! Вам-то что за дело?

-А мы как раз из Отдела по Борьбе с Хищениями Социалистической Собственности! Слышали про такой?

-Йес, йес!.. ОБХС!.. – ответили мы популярной в народе фразой, высыпали картошку из мешка обратно на рельсы и заперлись в вагоне.

Наступила ночь, но как мы могли спать, когда Держава гнила, картошка разваливалась, а двое в пиджаках не хотели больше нас огорчать?

А как я крал при ГАИ! Как я крал при ГАИ! При екатеринбургском ГАИ в середине девяностых организовали службу автоэвакуаторов. И вот на одном из автоэвакуаторов я и пристроился. Водителем.

Расценки на услуги назначила ГАИ, а в расценках она понимала. Они были такими, что эвакуация после аварии была бедствием большим, чем сама авария. Но деньги по этим расценкам потекли не к ним, а к нам, водителям техпомощи, которые при них пристроились. И вот тут они уже ничего не понимали. Начальник дежурной смены приходил на стоянку наших машин и плакал: «Кто же так ворует? Воруют ведь не так! Воруют по-другому! Надо принести и мне, дежурному. Половину! Ну, хоть треть. А от вас даже сока с плюшками не дождешься!».

Нет, все до последней копейки мы у ГАИ не отнимали. Последнее, как известно, даже мент не берет.

Где я еще успел поработать? В армии, например. Там я тоже украл. Украл, украл, прошлого не изменишь. Ботинки. У Лехи - собрата своего по тяготам и лишениям. Хорошие летные ботинки. По тем временам просто замечательные. На литой мягкой подошве, с матерчатыми эластичными вставками по бокам. Не думаю, что они были кожаные, но даже если они и были из дерьмонтина, все равно это было одно из высших достижений советской обувной индустрии. Не помню, что в ту пору продавали в обувных магазинах. Может, потому и не помню, что ничего не продавали. А тут… Можно сказать, кожаные, на литой подмешве, со вставками… В магазинах одежды тогда тоже ничего не продавали, но даже это «ничего» выглядело вполне прилично, если его совместить с летными ботинками.

Дело было перед отпуском после первого курса, то есть как раз тогда, когда самое время подумать о

том, чтобы выглядеть прилично, но украл я не для того, чтобы выглядеть. Мне что тогда, что сейчас было в общем-то все равно, в чем ходить. Дело было в том, что свои ботинки, как и остальную летную амуницию, я должен был сдать прапору, завхозу эскадрильи, и если бы я этого не сделал, то он не расписался бы в моем обходном листе, а без его росписи там меня не отпустили бы в отпуск. Очень нужна была мне его подпись. А ботинок своих не было. Я их потерял. А может, украли. У Лехи же, наоборот, было две пары. Свою он не потерял и намеревался сдать старшине, а во второй намеревался поехать в отпуск и выглядеть. Не знаю, где он вторую пару взял. Не думаю, что украл. Скорее всего, купил у того, кто украл. Вот эту-то пару я и спер. Тщательно удалил с внутренней стороны инициалы предыдущих владельцев, измазал каким-то мазутом, обшоркал песком… В общем, изуродовал до неузнаваемости, сдал старшине и поехал в отпуск, не забыв, конечно, покричать громче всех: «Ух, я бы этой сволочи, которая ботинки ворует!..»

И так плохо отдыхалось мне в том отпуске… Вот не поверите: как вспомню про ботинки, так просто водка в рот не лезет…

После отпуска склонил голову перед Лехой: «Так и так… Я спер. Сильно в отпуск хотелось…» Меч, как ему и положено, повинной головы не отсек. А Лехино ответное слово было таким: « Ну, украл… Понимаю… А признаваться-то зачем?! Вот тут я тебя никак не пойму!».

Больше со мной такого позору никогда не было. В отпуске после второго курса и водочка, и огурчик

следом проскакивали так, как они это умеют только в отпуске, хотя перед отпуском у меня недоставало не только ботинок, но и еще нескольких обязательных для сдачи завхозу позиций. Каких именно – уже не помню. Но то, что их было несколько – точно. Причем точно было и то, что я все это не посеял. Я сеятель по жизни, но тут уж столько всего недоставало! Хотя уверенность в том, что все это украли, придает мне не столько количество пропавших шмоток, сколько количество моих друзей, у которых тоже было плохо с позициями.

Собрались мы, Маши-растеряши, на сходняк… Никто не кричал: «Ух, попадись только мне эта сволочь!». Посмотрев друг на друга и ясно представив себе перспективу смотреть весь отпуск на эти до блевотины милые лица, мы с ними, с этими лицам, вступили в предварительный сговор…

К чести нашей, должен заметить, что никто из организованного нами сообщества не предложил похитить недостающее у собратьев. Потерпевшим мы назначили того самого прапора.

Процедура сдачи барахла выглядела так… Перед дверью каптерки стоял стол, за которым с видом прокурора сидел наш завхоз. Каждый из нас подходил и вываливал на стол все из своего вещмешка, а он проверял, все ли на месте, и делал отметку в тетрадке.

Мы создали у его стола невозможную толчею, постоянно его отвлекали, и когда он не видел, тащили у него из-под носа вещи, которые он уже посчитал. А внутри каптерки один из наших помогал ему: раскладывал уже

сданные мешки по полкам. Он тоже по мере сил выуживал, что нужно, из мешков и незаметно передавал обратно на волю, так что одна вещь могла быть сдана несколько раз. И поехали мы по домам, оставив его с недостачей. Но он, конечно, выкрутился. Прапор этот сам был тот еще ворюга… У меня, например, как-то штык-нож спер!

Стоял я на тумбочке. А дневальному на тумбочке (кто стоял – знает) положен штык-нож. Зачем – понятия не имею. Может, в случае внезапного нападения агрессора я должен был свою роту этим ножом защитить? Если так, то ничего глупее и придумать нельзя. Кого им можно зарезать? Короткий, широкий, тупой, как Советская Армия. Кончик лезвия закруглен: специально, чтобы бойцы сами себя не поранили. Больше похож не на оружие, а на молоток с зазубринами наверху. Хоть книга моя и не художественная, но образные сравнения уместны: внебрачное дитя серпа и молота. Тоже, своего рода, национальная идея. Я всегда был уверен, что когда пойду в рукопашную и соберусь проткнуть им врага, то враг облегченно подумает: «Хорошо, что не прикладом!». То ли дело был штык у трехлинейки! Длинный, тонкий, страшный, запрещенный, как негуманное оружие, единственным недостатком которого было то, что если его во врага хорошенько засадить, потом не каждому бойцу под силу вытащить обратно.

Дневальный не только стоит на тумбочке. Пару раз за сутки он моет пол в казарме, причем никто не запрещает ему при этом раздеться до пояса или даже до трусов. Конечно, штык при этом лежит где-нибудь, например, на тумбочке. Ну в самом деле, не станете же вы

мыть пол в трусах с нацепленным поверх ремнем, на котором болтается штык в ножнах!

И вот тут-то этот прапор штык у меня и спер. Типичная армейская шутка. Я говорю: «Тебе что, делать больше нечего? Отдай, мне ведь делом надо заниматься. Не до твоих дурацких шуточек!». А он: «Ничего не знаю! Не брал, Не видел…». И ведь выходит, что не прапор шутки ради спер у меня никому не нужную железку, а я, краснозвездный сокол, стоя на посту, прое…л вверенное мне Родиной оружие!

Все это, конечно, кончилось ничем, но обиду я на него затаил!

Где еще я брал, крал, спасал социмущество, экономил? Да где угодно! Взяли мы с другом Андрюхой как-то курицу у подъезда. Взяли, взяли. Не более. Выходим из моего подъезда, а на перилах сидит курица. Большая, белая, приятного такого телосложения. Бройлерного. Откуда взялась в центре Екатеринбурга, непонятно. У нее дало к вечеру, она на своих перилах уже задремала, а у нас с Андрюхой – к ночи. Мы как раз обсуждали, с кем выпьем, чем закусим…

-Андрюха! – говорю, - она ведь до утра по любому не доживет. Ее кто-нибудь съест…

Андрюха хоть и не служил ни одного дня в армии, отвечает, как заправский десантник:

-Никто, кроме нас!

Хорошая была курица. Резиновая – не разжуешь, большая, бесплатная. Дичь!

Где еще? Да много где! Всюду, куда забрасывала меня судьба, я крал, но при этом всегда считал себя патологически честным человеком. Не без оснований. Вокруг меня крали так, что я не крал, а так, подворовывал. А где я не крал? В министерствах, например. В думах, мэриях, деканатах. А жаль! Но что поделаешь? Таких честных, как я, туда не берут.

Хотя там-то уж точно не воруют. Берут. Какое это воровство? То, что они берут, и без них все равно кто-нибудь возьмет. Оно не выживет до утра, как та курица.

Как сделать так, чтобы они, руководя народом, который без воровства жить не может, могли не красть? У них самих на этот счет родилось только одно предложение. Если дать им столько, что они не смогут потратить, то красть будет незачем. Логично, вроде, но… В одном из летных училищ произошла история с хлястиками. Я специально не стану уточнять, в каком именно…

У каждой шинели есть хлястик. Сзади, на пояснице, пристегнут на две пуговки. Когда он пристегнут, то шинель – одежда, а если отстегнуть, то одеяло. И вот пошла в том училище эпидемия: все стали эти хлястики друг у друга тырить. Повесил вечером шинель с хлястиком – все! До утра он не доживет. У каждого в чемодане этих хлястиков штуки по три - четыре, а эпидемия не прекращается. Мучились так год, другой… Наконец, командир роты раздобыл где-то целый мешок хлястиков. Построил роту, поставил перед ней мешок: «Вот! Тут столько, сколько вам

за двести лет не потратить!». Мешок опустел, воровство закончилось. Но лишь на два дня. Потом все вернулось на свои места, с той лишь разницей, что в чемоданах их теперь было по десять, по двенадцать…

Тот, кто рассказал мне эту историю, был крайне удивлен, когда я ему сказал, что в нашем училище хлястики не воровали. Уже будучи зрелым офицером, он не мог понять, как это можно учиться в летном училище и при этом не красть хлястики.

Хлястики, кончно, случай частный. Но есть и более общие примеры. Как, например, можно не красть налоги, в смысле, платить их полностью? Все налоги, которые мы Родине принесем, в конечном счете все равно растащат. Выходит, их платить глупо? Ну да, конечно! Чем зарабатывать на то, чтобы кому-то было что украсть, лучше уж побездельничать.

Или электричество. Решил я как-то прекратить красть электричество. Это еще в первый раз. И рассказал об этом друзьям. Я думал, они скажут: «Киря! Ты такой честный!!!». А услышал: «Мы думали, ты дурак. А ты дурра-а-а-ак!!!».

Откуда мы такие? Из СССР, конечно. Это там в нас была заложена программа: «Не будь дураком, укради! Красть у Родины хорошо, правильно, справедливо! Сколько ни своруй, она у нас все равно больше украла». Возможно ли удалить такую программу?

Спроси любого иностранца, кто такие русские,

чем занимаются? Пьют, бездельничают, воруют… Перебить бы всех, да как? Они ведь еще и не сдаются!

Я не предлагаю сдаться. Бросить пить и бездельничать – тоже. Это дело хорошее. А вот красть… Представляете, с гордостью сказать: «Русские не воруют!». Это спокойно тянет на национальную идею! Не знаю, правда, как ее реализовать. Даже с чего начать реализовывать, не знаю. Отрубать руки? Не сдадимся! Всероссийское общество анонимных воров? «Я - Кирилл Аваев. И я – вор!». Тоже не поможет. После фразы «Я алкоголик» обычно пьют не меньше, а больше, так как перестают стесняться.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ – 2

- Как-то первый раз приходится есть объедки.

-Зачем же вы так? Это не объедки, а остатки. Я объясняла. Это большая разница.

-Значит, это никто не…

Из х.ф. «Вокзал для двоих»

Я понимаю, что для нации иметь две национальные идеи хуже, чем не иметь никакой. Особенно если эти национальные идеи

противоречат друг другу. Но все же рискну предложить и вторую, тем более что она первой не противоречит.

Нам, россиянам, катастрофически не хватает яхт, вилл, «Бэнтли», миллионов долларов. Также мы очень нуждаемся в свободе сексуальных меньшинств. С демократией у нас такие проблемы!!! Микросхемы самые большие, доходность бизнеса самая маленькая. И они - Европа, Америка, то, что принято называть «золотым миллиардом» - помогают нам, чем могут. Везут нам объедки со своего стола. Ну ладно, никого не хочу обидеть. Кто-то ведь эти объедки любит. Пусть будут остатки.

Обидно за Родину, ой, как обидно…
Но, у нас есть нечто большее, чем микросхемы!
Самый лучший кусок планеты.

Я уже говорил, что по разным оценкам, «райское» количество людей на Земле – от полумиллиарда до миллиарда. Вот в таком раю мы, россияне, сегодня и живем. Нам не угрожает перенаселение. Потепление? Да мы о нем мечтаем с ноября по март. Нехватка пресной воды? Когда она уже, наконец, наступит? Мы тогда с нашим Байкалом… Вообще работать не будем! Кто скажет, что эта идея не национальная, а так, просто идейка?
Что там у них еще плохого? Нехватка углеводородов и пахотных земель?

И этот рай мы не украли. Взяли. Слава предкам! И те, которые глядят на нас со своих вилл и яхт, сегодня ясно видят: от планеты им остались лишь какие-то ошмотья. Остатки, не сказать бы хуже. Но не буду никого

обижать, кто-то ведь их, эти остатки, любит.

Хотя какие тут могут быть обиды? Они и сами давно поняли, что их богатство – барахло в сравнении с нашим. И, пока мы этого не поняли, пытаются как можно больше своего барахла нам втюхать в обмен на наше богатство. И не любят они нас не потому, что мы тут у себя внутри все крадем, а потому, что сами у нас спереть не могут. А любить начнут не тогда, когда перестанем красть, а тогда, когда начнем сдаваться.

-Эй, русские, дикари голодные, а у нас колбаса краковская, пиво баварское, коньяк французский! А у вас там что? Сок березовый?
И вот уже дикари, подкопив деньжат, потянулись от родных берез за колбасой.
-«Жигули»? Ну вы и дремучие!
И вот мы работаем на сотнях их заводов, собирая их барахло, чтобы они могли высасывать из нас наши соки.
-И как вы можете жить при этом ненавистном всему миру режиме? Нам вас так жалко! Помогите нам подарить вам демократию, и вы узнаете, что такое счастье!
И вот уже колонны маршируют: «Хотим сдаваться!»
- Идите к нам со своим Байкалом! А мы к вам с нашими общечеловеческими ценностями и квотами на размещение беженцев!
- Сколько у вас машин на тысячу населения? Триста? А у нас восемьсот! Выходит, вам еще семидесяти пяти миллионов штук не хватает? Поможем! Покупайте, покупайте! И закатывайте страну в асфальт, как мы, а то где все это счастье ездить будет?

Ну да черт с ними. У них свои национальная идеи, пусть сами про них и пишут. А я сейчас обеспокоен отсутствием нашей, тогда как она лежит на поверхности. Мы, сто пятьдесят миллионов россиян, устроились на этой планете лучше всех. Нас мало, а планеты у нас много. И нам надо просто осознать это и переключиться со скупки их барахла на строительство своего забора. И пока они там, за забором, закатывают свою часть планеты в асфальт, постоять тихонько в сторонке. За забором. А чтобы не лезли, чеку из гранаты выдернуть и так, с гранатой, постоять.

А может, если осознаем, что барахло – это всего лишь барахло, то и здесь, внутри красть перестанем.?

ЦЕННОСТИ МАТЕРИАЛЬНЫЕ И БЕСЦЕННОСТИ ДУХОВНЫЕ

Американский президент вызывает своего самого главного генерала и спрашивает:

-Какие у нас есть аргументы против Советского Союза?

-Наш лучший аргумент, господин президент, - нейтронная бомба!

-Что это такое?

-Страшное оружие! Если его применить, то людей не станет, а материальные ценности останутся!

На следующий день опять вызывает:

-Позвонил русским, попугал нейтронной бомбой… А они сказали, что высадят в

Америке дивизию прапорщиков. Что это такое?

-Это, господин президент, похуже нейтронной бомбы! Если русские высадят дивизию прапорщиков, то люди останутся. А вот материальных ценностей не будет!

Старый советский анекдот.

Я хорошо помню Советский Союз той поры. Прапорщиков в нем было много дивизий. И ничего! Подавляющее большинство населения считало это бедой значительно меньшей, чем нейтронная бомба. Может, как раз потому, что их, ценностей, не было? Едва ли. Хоть какие-то, маленькие, плохонькие, но они были. А так как их было мало, то и значимость их была выше. Вспомните: телевизор «Рубин», холодильник «Бирюса», диван «Надежда». Я уже не говорю про «Жигули»! Но многие люди спокойно жили без всего этого и не сильно расстраивались по поводу почти полного отсутствия ценностей. Может, потому, что недостаток ценностей материальных замещался обилием духовных?

Можно было тайно верить в Бога. Можно было открыто верить в моральный кодекс строителя коммунизма. Для человека, обладающего такой духовной ценностью, как вера, материальные ценности вообще не существуют. Но это для избранных. Нормальные люди в те годы, наоборот, ни во что не верили: в Бога – открыто, в коммунизм – тайно. Но и на них духовных ценностей хватало. Семья, взаимопомощь, национальные традиции, любовь,

человеколюбие, готовность бороться со злом, приходя на помощь слабому… Дружба… Помню, собрались мы как-то с друзьями. Конечно, втроем и в пятницу, в соответствии с национальными традициями. Я тогда еще служил, и друзья мои тоже. И вот после рабочего дня мы не разлеглись на свои мягкие «надежды» перед своими черно-белыми «рубинами», тоскуя по колбасе, которой нет в «бирюсе», а собрались в офицерской общаге, в комнате, где кроме стола да коек, ничего в общем-то и не было. А нам ничего и не надо было! У нас была дружба! Дружба! Непременно с большой! И собрались мы, чтобы наслаждаться ею, так как ненормированного рабочего дня нам для этого не хватало...

Что пить и чем закусывать, нам тоже было все равно. Какая разница, настоян самогон на навозе или нет, если под него обсуждаются такие духовные ценности, как взаимопомощь, отношения с друзьями и женщинами и предстоящая совместная защита Родины? Ведь он, самогон, как и любая другая материальная ценность, в процессе употребления все равно исчезнет, тогда как духовные только множатся.

Но серьезно приумножить духовное мы в тот раз не успели. Прибежал четвертый: «Наших бьют!». И мы, бросив недопитое материальное, побежали бороться со злом, одновременно приходя на помощь слабому.

Наших на самом деле не били, а только собирались, мы поспели вовремя. Конфликт назревал из-за того, что наши, придя в гости к девчонкам, застали там посторонних – гражданских, шабашников из соседнего колхоза. Шабашников было больше, но с нашим приходом

расклад переменился. Тем не менее, исходя из человеколюбия, бить их мы не стали. А поскольку почти созревший конфликт требовал достойного разрешения, то один их шабашник и один из наших сошлись прямо в прихожей один на один, съездили друг другу по роже и обе враждующие еще секунду назад стороны уселись выпивать тут же, у девочек, одной большой компанией. Вскоре и еще девченки подтянулись.

На следующий день – опохмелка, затоварка, и всей толпой - к новым друзьям в колхоз. А там… Воздух - с навозцем! Самогон – без! Катание с горы, кучамала, экскурсия в коровник. Чистый снег. Ладонь на теплом и влажном носу теленка. Ночью – зимний лес, костер, глинтвейн из бурдолыги… Душевно – не то слово. Духовно!

А творчество… Состояние творчества – еще какая ценность! Мне всегда ближе было творчество техническое, и ведь это был целый мир! Взрослые дяденьки строили модельки самолетов, кораблей, машин, увлекая за собой ребятню. Для них издавались специальные журналы, регулярно проводились всесоюзные соревнования. Те, для кого этот масштаб был мал, строили не модельки. Вспомните: по всей стране соревнования багги и картов – все самодельное! Конкурсы самодельных самолетов, автопробеги самодельных машин

А сколько было туристов! Тысячи людей ходили по родной земле пешком, на байдарках, на плотах. Слеты, соревнования, песни у костра… Тоже целый мир, полный духовных ценностей. Я до сих пор помню ту особую атмосферу, когда еще маленький в компании моих

родителей и их друзей возвращался из очередного похода. Мы ехали в электричке вперемешку с рюкзаками и пели под гитару, а окружающие слушали… Народу в электричке было полно, но он не только не мешал, а казался частью компании.

Для тех, кто не увлекался моделизмом, походами и алкоголем, тоже было предостаточно творческих возможностей. Кружки художественного свиста, например.

Были и толпы коллекционеров марок, значков и чего-то еще, люди ходили по каким-то литературным вечерам и… А сколько мы читали! Много чего было творческого, интересного, возвышенного, но это были духовные ценности, так сказать, второго порядка. Говоря современным языком – оборотные средства. За всем этим отчетливо просматривалась неприступная со всех сторон скала, поросшая мхом и легендами, основной капитал - любовь к Родине! Кто из мальчишек той поры не мечтал бежать впереди всей Родины в атаку и засадить антигуманный штык в ее врагов так, чтобы его уже никто и никогда не вытащил? Я таких не помню.

Зато с потребителями, которые получились из тех мальчишек, хорошо знаком.

… Сегодняшние моделисты покупают готовые модельки и искренне считают, что раньше люди строили все сами лишь потому, что это не продавалось в магазине. Творчество, то есть процесс творения, рождения чего-то,

превратилось в обыкновенное потребительство. В потребление продукции «индустрии творчества». Если модель, построенная мною в детстве из найденных на помойке досочек и какой-то бумаги, не представлявшая никакой материальной ценности, была для меня бесценна, поскольку включала в себя мою фантазию, мечту, труд и частицу души, то сегодня у каждой модели есть совершенно конкретная цена. И кроме нее, ничего в ней нет: обычная бездушная игрушка.

Туристы вымерли. Им на смену пришли миллионы путешественников «все включено» и толпы «отдыхающих на природе». Я раз был…

Приятели как-то говорят: «Киря! Поехали отдыхать на озера! Там знаешь как здорово! И семью бери. Надо же ребенка приобщать к природе!». Мы с женой посовещались, решили, что природа – дело хорошее, и поехали, придурки, приобщать к ней полуторагодовалую Сашку.

Был выходной, то есть тот день, когда пробки большого города переезжают на маленькие лужайки вокруг озер. Причем если в нормальной пробке хоть какое-то место между машинами есть, то тут любой клочок земли был занят либо палаткой, либо мангалом. Шашлык, конечно же, ценность духовная, но там этого духа было столько… Музыка – своя из каждого автомобиля, и небывалая суета между всем этим: надо же успеть все сожрать и выпить, завтра – на работу… У ребенка истерика. Видимо, Сашка решила, что глобальное перенаселение и полное

уничтожение кислорода уже случилось. Истерика была не только у Сашки, там кроме нее было немало приобщающихся к природе детей. В конце концов кто-то умный решительно прекратил эту разноголосицу: открыл багажник и включил сабвуфер: «Когда мне было пятнадцать лет, я копил на новый велосипед!».

Хорошо, что Сашка была маленькая и не помнит. Я, везя ее на озеро, хотел, чтобы в ней осталось на всю жизнь какое-то доброе воспоминание, вроде моей электрички, в котором главным была бы не электричка, гитара или рюкзак, а чувство духовной общности. И не только со своими родителями и их друзьями, но и со всей электричкой, вообще со всеми. Но где взять сегодня такую электричку? Где взять друзей, способных в этой электричке петь под гитару? Где они, друзья? Как обычно, на пьянке? Бывал я и там…

Что пить и есть будем? Не дай Бог скушать что-нибудь… Бюджетное!.. Или еще хуже - выпить. Как себя уважать после такого?! Ну, а выпивка и закуска не экономкласса способствует дружескому общению… Цены на айфоны, айпады, мерседесы, проституток. Клуб потребителей. «Где был в отпуске?» - « Да знаешь, не в Караганде!» - «Сколь отдал?» - «Не постоял, не постоял за ценою! Раз ведь живем…» - «Круто…». Нет, духовное начало осталось. В самом конце, когда уже кто-то ушел, а кто-то уснул: «А ты помнишь? …Давно – давно…».

Даже семья потихоньку переходит в разряд материальных ценностей: все чаще под словами «дать своим детям» подразумеваются еда, барахло, деньги…

Про Родину как главную духовную ценность, сегодня даже и говорить неприлично. Рубли на баксы меняет, и ладно… А на кой она еще нужна? Или мы зомбированы той, слышанной по радио неприличное количество раз в день песенкой про буденовку, найденную в шкафу? Или сказкой про Матросова? Гастелло, как выяснилось, не Гастелло, Матросов просто поскользнулся, а войну выиграли заградотряды. Потребителю такая история понятна. А то придумали… Жизнь отдать! За что?! У потребителя не за что. Не за барахло же! А ценней у него ничего и нет.

Может, я ошибаюсь? Может, потребительство и ни при чем? Что, если навалившиеся на нас материальные ценности не виноваты, а это просто возрастное? В детстве – мечты о подвигах, потом - модельки, позже – друзья. Ну, а когда повзрослел, да поумнел, пора освободиться от лишнего и заняться делом?

Один мой приятель коллекционирует этикетки с бутылок. Коллекция имеет три раздела: «ностальгия», «нектары девяностых» и «красивая жизнь». Конечно, два последних раздела обьемней, красочней, богаче. Но любимый его раздел – конечно, «ностальгия». Этикетки с советских бутылок, глядя на которые, любой живший в то время сразу вспоминает и вкус, и цену, и двух генеральных секретарей: того, при котором этикетка появилась, и того, при котором исчезла. Тут тебе не только «три семерки», «сучок», «андроповка»… Все, что употребляли массы в процессе строительства светлого будущего. …Лосьон «огуречный»! «Тройняшка»! Морилка для дерева…

Разглядывая эти бумажки, действительно испытываешь тоску. Не по «трем семеркам» и «огуречному», конечно, а по тем временам, когда было не важно, что пить. Важны были друзья, любовь, Родина: и у неверующих людей есть святые понятия.

И вот как-то раз на день рожденья к дочери автора коллекции, первокласснице, пришли на именины друзья…

-А мой папа вот сколько зарабатывает!

-А мой – столько!

-А нам денег очень не хватает!

-А мой…

-А мой папа собирает наклейки от бутылок!

-Зачем???

-Ну… Не знаю… Он их меняет…

-На деньги?

Не нужна нынешним детям буденовка и тому подобные никчемные «ценности». Они с рождения умные, им ни от чего лишнего отказываться не придется. Они уже сейчас, на радость родителям, заняты делом: думают о деньгах. И готовы сменять на них все, включая священную память предков.

Как-то так получилось, что возможности, открывшиеся в потребительстве, заставили нас забыть о главном. Значимость материальных ценностей растет, духовных – падает. Чем больше одного тем меньше другого. Мне даже кажется, что здесь есть железная связь, закон какой-то. Навроде закона Бернулли из аэродинамики: «сумма статического и динамического давления – величина

постоянная». Или… Вот чувствую, что и в других областях есть похожие законы, но точно воспризвести не могу: не изучал. Как-то типа: «В мире все – одно. Если чего-то где-то убыло, значит, в другом месте прибыло».

На закон сохранения энергии похоже. Помните? Ну… Из физики… А что, разве человек и его желания – не энергия?

Я не Ньютон. Мне на голову много чего падало, но открытий не случилось. Видимо, кость потолще. Но ведь можно ударить и изнутри… И я ударил. Не помню, чем, не помню дозы, но сразу раз - и: «сумма материальных и духовных ценностей – величина постоянная». Или: «Чем за душой больше, тем в душе меньше».

А может, дело не в физике, а в психологии. Каждый хочет и сам себя уважать, и чтобы окружающие уважали. А вот смотрит человек: нет у него в душе ничего хорошего. Как снискать уважение? Приходится отсутствие хорошего внутри компенсировать, окружая себя чем-нибудь хорошим снаружи.

А как быть с Землей, с ее будущим? Наша Родина Земля, это вообще ценность? Что-то я даже в детстве своем такой ценности не припомню. Ну, а нынешние потребители и тем более не способны думать о будущих поколениях: на деньги эту заботу никак не обменяешь. Я уж не говорю про то, чтобы за эту общую Родину жизнь отдать. Да хоть не жизнь, хоть барахло. Хоть не все, хоть часть

Да и как ее отдашь, жизнь? Сегодня она,

человеческая жизнь, объявлена самой главной на планете ценностью. Вот только не слишком ли богатой станет наша планета, если нас на ней станет двести шестьдесят миллиардов?

ПЛАНЕТЯНЕ

Взяв трояк для опохмелки,
Направляюсь прямо в ДОК
Вдруг садятся две тарелки,
У пивбочки, в холодок.
Вышли трое,
Морды прямо из штанов.
Говорят:
«Валяй желанье, Иванов!»

Д. Кимельфельд «Три желания».

Никогда не видел инопланетян. Не показались они мне. Паразиты… В отместку за это я считаю, что их вовсе нет. А вот один мой знакомый говорит, что видел. Нет, это не тот мой приятель, который, придя утром на рогах домой, на вопрос жены «Где пропадал?», ответил, что его похитили инопланетяне. Другой. Он однажды сказал об инопланетянах как-то так, как будто их существование – вещь сама собой разумеющаяся. Я, впервые встретив такого уверенного, удивился: «И ты во все это веришь?». А он: «Это ты можешь верить или не верить. А я знаю!». И рассказал мне, что видел собственными глазами, «вот как тебя сейчас», летающую тарелку. Огромную, похожую на

шляпу с иллюминаторами, какая обычно бывает на нерезких фотографиях. Он проходил с женой мимо стадиона , а прямо над стадионом висело вот такое дело. Повисело-повисело, и только они его и видели. В смысле, кроме них – никто, хотя на стадионе шел концерт и там было битком народу. «Но, - подытожил он, - я не пытаюсь тебя убедить, что инопланетяне есть. С другой стороны, почему я не должен об этом говорить? Потому, что ты этого не знаешь?»

В той части, что говорить нужно то, в чем уверен, а не то, что от тебя ждут, я с ним категорически согласился. В существование тарелок по-прежнему не верю. В конце концов, если человек что-то видел, то это вовсе не значит, что так оно и было. А формула «он сказал, что он это видел» вообще ничего не доказывает. «Он сказал, что они вдвоем видели» немного лучше, но… Допустим, я иду с женой мимо стадиона, и она мне говорит: «Милый, смотри, над стадионом висит летающая тарелка! Ты видишь?». Разумеется, я скажу, тревожно заглядывая ей в глаза : «Конечно, конечно!.. Ты только не волнуйся…».
Если ей привиделось, то мне одновременно не может привидеться то же самое. Хотя теория вероятности не исключает и этого.

В общем, правильно, что он не стал убеждать меня, что они есть. Все равно не убедил бы. Сказал бы еще, на чей концерт они прилетали – можно было бы попытаться проверить, а так…

Я ответил ему взаимностью и тоже не стал его ни в чем убеждать. Не важно, что он не убедил меня, важно, что

сам он знает. Сколько еще на свете таких знающих? А сколько еще тех, кто тарелок не видел, но при этом верит, что они есть и что они уже здесь для того, чтобы защитить нас, научить и приобщить к высокоразвитой вселенской цивилизации? Немало таких. Лично я знаю нескольких, то есть, исходя из моей личной статистики, их в несколько раз больше, чем тех, кому что-то привиделось.

Еще я знаком с двумя ненормальными, которые сами собрались стать инопланетянами. Они планируют в ближайшее время, сразу после того как на Земле закончится все хорошее, вместе со всем человечеством переселиться куда-нибудь, где всего еще навалом. И тут все получилось с точностью до наоборот: я, зная, что им вместе с человечеством остался лишь последний выдох, а не счастливая жизнь во Вселенной, ни в чем не смог их убедить. Они не поверили, что до переселения никто просто не доживет, и продолжили ждать начала регистрации пассажиров.

Вот к этой-то публике - знающей, верящей, мечтающей - я и обращаюсь. Попытайтесь представить себе, что пока тарелка висит у нас над стадионом, жена ее главного механика где-то на краю Вселенной делает себе липосакцию. Брат помощника командира на другой тарелке бомбит своих однопланетян, у которых нет демократии, а папа повара отбывает восемь световых лет за хищение галактического имущества в особо крупном размере. Дальние и близкие родственники других членов экипажа, выполняющего миссию по приобщению нашей цивилизации к вселенскому разуму, бегают по распродажам, торчат в банках, пытаясь взять кредит на

погашение кредита, везут своих детей жарить шашлык на автостоянку у озера…

Не получается? У меня тоже. Я представляю их солдатами без пороков и желаний, беспрекословно повинующимися разуму их родной, закатанной в титан планеты.

Или наоборот: мы, вот такие, какие есть, построим вдруг тарелку, которая сможет появиться в любой точке Вселенной и незаметно висеть там над стадионом. Мы что, сразу кинемся на другие планеты? Приобщать… Как бы не так! Кинемся бомбить с этих тарелок себя же, приближая собственный апокалипсис и еще больше отдаляя перспективу стать когда-нибудь инопланетянами.

Видимо, чтобы стать «межпланетным разумом», сперва надо стать разумом планетным. Начать жить, руководствуясь не ненасытностью своей, а интересами планеты.

Возможно ли такое? Нет, конечно. Чушь! Утопия! Никакие доводы, теории, религии не сломят механизм самоуничтожения человечества, находящийся в наших головах. Не получится…

…Но у них-то, у инопланетян, как-то получилось…

НАЦИДЕЯ - 3

Перебор, конечно. Согласен. Но одно могу обещать твердо: четвертой не будет.

Мы, земляне, обладаем самым лучшим куском Вселенной. И можем просто жить себе в этом раю, заботясь о нем и защищая, организовывая здесь все по уму. Давайте почувствуем себя одной нацией. Давайте увидим, что Земля – наша общая Родина. Перестанем красть на ней все, что только можно, оставим потомкам. А пока другие цивилизации закатывают свои планеты в титан, постоим в сторонке.

МОСГОВСКОЕ ИГО

- Даже часы пришлось заложить!
-Да. Мои часы.
-Какая разница? И «Фиат» продали…
-Мой «Фиат».
-Перестань мелочиться!
-Я уже второй день не обедаю. …Мелочиться!
-Я же не виноват!
-Ты же обедал! А я на тебя смотрел.
-Правильно. Я - мозг, а мозг нужно питать.

Из х.ф. «Невероятные приключения итальянцев в России».

И че мы их не любим? Подумаешь, акают… Жалко, что ли? Может, дело в зависти? Действительно, можно позавидовать…

Как-то еще в девяностые говорит мне жулик Вова, под крышей которого процветал мой автосервис и который собрался перебраться в Москву на ПМЖ:

- Поехали со мной!

- Зачем? – спрашиваю.

- Работать. Там твоя работа в несколько раз дороже стоит!

И не только моя. Его тоже. И кого угодно: будь ты дворник, учитель, директор, депутат… Кем угодно будь, все равно в Москве зарплата больше. И, видимо, вся остальная страна не любит москвичей потому, что чувствует в этом какую-то несправедливость. Действительно, почему вся страна деньги Москве посылает, а когда обратно малую часть из этого попросишь, то оттуда так пошлют…

Но ведь она – голова, она за всех думает. На ней и оборона, и политика, и госкорпорации, и много чего еще. Но вот вопрос: а все ли, что собирает страна на свои нужды, Москва тратит по назначению? Нет, конечно. Кое-что оставляет и себе. А иначе с чего бы у них заработки были в несколько раз больше?

Несправедливо, казалось бы, но это мозг. Да и не только зарплаты у них выше, но и цены. И все бы ничего, если бы люди не делились на два сословия: к одним деньги

приходят и уходят, а у других остаются. А так как в Москве в результате бюджетной политики денег на душу населения оказалось больше, то и капиталы там накапливаются быстрее. А куда идут эти капиталы?

Собирали мы парогенераторы, я уже рассказывал. Делаем агрегат, ну, например, для Ханты-Мансийска. С тамошними инженерами и технологами утрясаем всякие параметры и техусловия, а когда дело доходит до коммерческих предложений и условий оплаты, в дело вступает Москва: хозяин-то у ханты-мансийского производства, оказывается, там. И такая ерунда – сплошь и рядом. Чей сегодня «Уралхиммаш»? За крайние два года занимался электрикой и вентиляцией в трех торгово-развлекательных центрах Екатеринбурга. Во всех хозяева – москвичи. Они направили свои быстро накопившиеся капиталы обратно в страну и скупают в ней потихоньку все, что приносит прибыль. Это еще больше увеличивает московскую концентрацию денег на душу населения, и скупка становится уже не «потихоньку». Еще лет пять, ну, десять - и вся страна будет принадлежать им на праве собственности.

Хорошо это? Плохо? Справедливо? Нет?

Со справедливостью просто: всей страной откармливать какую-то одну территорию, конечно, несправедливо, тем более что мозг мог бы быть более умным и менее жадным. Но опять же, никто не мешает мне, как и любому другому, не задавать вопрос «зачем», а переехать из плохо снабжаемой мышцы этой страны, или

печени, или клоаки непосредственно в мозги, не по уму снабжаемые, и поучаствовать в скупке Родины.

С «хорошо» - «плохо», ясность похуже. Конечно, обезумевший от количества свалившихся на голову всенародных денег мозг – плохо. Но, не кормить его, каким бы он ни был, еще хуже. Это с точки зрения всего организма.

А с моей точки зрения? Человека, у которого все есть и которому больше ничего не надо? Да пусть они акают хоть в «Мерседесах», хоть в «Бэнтли»! Хоть на Остоженке, хоть на Рублевке! В пять раз у них доходы выше или в пятьдесят - какая мне разница? Хоть в сто, моему счастью это не мешает!

Мое счастье внутри меня. Оно всегда со мной, и мне за ним никуда ехать или идти не надо. У кого нет – пусть пойдут поищут в Москве. Там не найдут – пусть пойдут еще подальше.

И у каждого региона счастье внутри. У Ханты-Мансийска – нефть, у Нижнего Тагила – танки. Все есть, ничего не надо. Ханты-Мансийск не страдает от отсутствия танков, ему своего счастья хватает. И тагильский танк не едет в тундру, чтобы отнять мансийское счастье. Каждый свободно пользуется своим. А почему? Да потому, что мозг один. Пусть какой ни есть, глупенький, жадненький, но один. Он всех доит, он обо всех и беспокоится. Где-то неурожай, эпидемия, стихийное бедствие, или уровень жизни чересчур низкий - остальных быстренько подоили и

отстающим помогли. И живет себе страна – единый здоровый организм.

Ну, а то, что мозг ест больше, чем остальные… Так любой диетолог вам объяснит, что мозг – это самая эгоистичная часть тела. Представьте себе обычное стопятидесятикилограммовое тело. Его желудок давно не справляется с бесконечным потоком поступающих в него продуктов без «мезима», строительные материалы для клеток печени приходится принимать и до, и после еды. Суставы скрипят под тяжестью свалившейся на них ноши, а позвоночные диски разлетаются при каждом неловком движении. Диабет – в недалеком будущем, половая функция – в далеком прошлом. О чем думает и день, и ночь мозг, управляющий этим телом? Не ешь! Не ешь! Не ешь! Но стоит появиться на горизонте очередной пироженке - этот мозг мгновенно убедит себя, что съесть ее необходимо. И заставит руки достать из кармана деньги, рот – жевать, желудок – переваривать. Весь организм, повинуясь своей ненасытной голове, будет расщеплять, утилизировать отходы, откладывать куда-то вновь нажитое. И перемещать все это, включая мозги, постоянно твердящие «Не ешь! Не ешь! Не ешь!» в пространстве, потея и мучаясь одышкой.

В мире общего мозга, позволяющего всем свободно пользоваться своим счастьем, нет. Его заменяют танки. В России, например, всякого счастья в достатке: качай его из земли, собирай с полей, добывай открытым способом… Живи, да радуйся, как Ханты-Мансийск! Но, все ведь знают, что без танков не получится.

Вот если бы можно было вместо всех танков мира завести один на всех мозг… Хоть какой-нибудь, пусть совсем глупый, невообразимо жадный, но один. Пусть всех доит, но обо всех и беспокоится. По-любому он обойдется дешевле, чем все танки мира. Живем же мы под московским игом. Может, под мозговским будет не хуже?

РАЗУМ

Как же так случилось, что разумный, вроде бы, человек, искренне желая по-умному устроить свою жизнь, построил такой безумный мир? Кто виноват? Мне думается - лошадь.

Для того чтобы что-то где-то по-умному устроить, для начала надо туда приехать. Или хотя бы как-то с тем местом связаться. Как? В то время, когда основы человеческого мира создавались, альтернативы не было. Только лошадью. Вот и оказалась наша Земля покрытой государствами, находящимися в лошадиной доступности от своих столиц. А могли ли они друг с другом не воевать? Сидя на лошадях-то? Потом, когда пересели на корабли, масштабы возросли. Страны стали больше, войны тоже. Перед разумом, кроме лошади и корабля, всегда было еще одно препятствие: другой разум. Вражеский.

Сегодня технических препятствий для распространения разума по планете нет. Связь не конная и не корабельная. Глобальная. Но главное препятствие

осталось. Это мы, привыкшие жить в мире, созданном по конно-корабельному принципу.

Не пора ли уже родить какой-нибудь один общий человеческий разум? Глобальный. Для начала хотя бы зачать. Как? Технология вообще-то известна. Все, что родило человечество до сих пор, было зачато преимущественно благодаря войнам. Нельзя ли без этого обойтись? Непорочно как-то.

Организационно такую задачу решить довольно просто. Раз - и расширяем НИИ кирдыкологии до размеров Академии! «Российская Академия Зашибенного Устройства Мира». Почему Российская? Да какая разница? Пусть будет Румынская.

Не важно, что мир этого разума не признает. Важно, что он просто будет. Уже не какие-то там авторы ресурсов или писатели непонятных жанров, а ученые рассуждают на тему, как можно по-умному устроить этот мир, если преодолеть нашу привычку жить в мире безумном.

Как снизить численность населения? Китайский вариант известен, еще какой? Другие предложения… Как по-хозяйски все организовать, если этому, допустим, перестанут мешать границы? Юристов привлечь. Какой могла бы быть Мировая Конституция? Пусть она рождается в спорах и блогах. Мы не знаем, как ее примут и когда. Может, никогда. Во всех странах, в некоторых или в одной

отдельно взятой. Или ни в какой. Но пусть она будет. Уже сейчас. Да, просто как мысль.

Как справиться с отморозками? Не как план действий (чур меня, чур!). Как идея.

Каков максимальный уровень потребления при нынешнем народонаселении? Пусть разум четко скажет. Например: при нынешних темпах роста гибель от потепления наступит тогда-то, от озона – тогда-то, а от мусора – через десять лет. Люди, не обжирайтесь! Не в смысле: «надо немедленно ограничить, а кое-где снижать», а так, для информации. …Пока…

ДИКТАТУРА

Будет ли прок от такого разума? Нет, конечно. Вот, например, мой разум каждый раз, когда я собираюсь выпить последний перед потерей памяти стопарь, говорит мне: «Киря, не пей!». Хоть раз я его послушался? Чтобы мы начали слушаться разума, самого разума мало. Нужна диктатура разума.

ДВИЖЕНИЕ

- Я не желаю быть капитаном
у таких дураков. С меня довольно!

Из м.ф. «Остров сокровищ»

Может показаться, что я собрался заседать в президиуме такого разума. Нет-нет. И в мыслях не было. Да и где заседать-то? Разумом еще и не пахнет. Когда еще мы согласимся отдать бразды правления тому, кто ограничит наше потребление в соответствии с нашими потребностями? Скорее всего, никогда.

Так что я, вместо того чтобы заседать, вынужден созерцать, как наше стадо уверенно движется к апокалипсису, все наращивая скорость, и осознавать невозможность его остановить. Я, конечно, пытаюсь затормозить это движение, как могу. Но что могу я один?

Ну, не покупаю я ничего лишнего, не жгу керосин бочками забавы ради, не откармливаю себя на убой, не мечтаю о дорогой машине и вилле… На движении стада мои усилия никак не сказываются. Вот если бы мне помогли… Наверняка ведь есть еще люди, которые считают будущее ценностью и готовы ради этой ценности чем-то пожертвовать. Если мы все вместе перестанем участвовать в потребительской гонке? Может, движение бегущего стада, которое все чаще станет о нас запинаться, замедлится? Ну, не замедлится, так хоть интенсивность разгона снизится?

Что будет, если мы, антипотребленцы, являясь частью движущегося стада, начнем двигаться в противоположную сторону? Затормозит ли это общее движение?

Посчитаем… Допустим, что нас, человеков разумных, десять процентов от всего стада. По-моему, цифра реальная, и, надеюсь, даже заниженная. И мы вдруг, с сегодняшнего дня, решили не повышать свое благосостояние. Тогда через десять лет мировое производство не удвоится, а возрастет на девяносто процентов. Вроде, невелика разница, но… Через двадцать – не в четыре раза, а только в три целых и шесть десятых. Через пятьдесят – не в тридцать два, а только в двадцать четыре. А через сто лет - не в тысячу, а только в шестьсот! Может, такое развитие событий позволит вдохнуть еще раз, и последним станет не этот выдох?

А если нас, разумных, у которых при виде новой модели ненужного барахла мозги не переклинивает на единственную мысль «хочу!!!», окажется не десять процентов, а пятьдесят… Через полвека получим рост производства лишь в семь с половиной раз, а через век – всего в шестьдесят! И это еще не все возможности антипотребительства. А что если часть из нас свое потребление снизит? Да мы, разумные, можем спасти этот мир, причем нам для нашего движения не нужны ни генеральный секретарь, ни президиум, ни саммиты, ни протоколы, ни даже штаб-квартира. Не надо ждать милости от правительств!

Конечно, хочуголовые будут сопротивляться. Они будут тыкать нам в нос своими гаджетами, машинами и шмотками, говорить нам в лицо, что мы плодим нищету. Но мы потерпим. Разве такой моральный ущерб не стоит спасения человечества?

Да и страдать не обязательно. Мы в ответ ткнем им в рыло отсутствие дерьма не только в собственности, но и в душе и в то же рыло скажем им, что плодить нищету лучше, чем сраньчу. Пусть не нам будет стыдно за то, что у нас чего-то нет, а им за то, что у них есть.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры – разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом.

В. И. Ленин

Давненько я Вас не конспектировал, Владимир Ильич! Настолько давненько, что успел забыть то омерзение, которое испытывал от Ваших работ. Дело не в Вас и не в Ваших работах. Просто, пока я работал военным летчиком, меня заставили законспектировать двести

двадцать одно Ваше произведение, причем семнадцать из них дважды, а одно даже трижды! Я это одно до сих пор помню: «Материализм и эмпириокритицизм»! Что я должен был чувствовать по отношению к ленинизму после такого кретинизма? Но вот ведь… Время прошло, и забыл. Настолько забыл, что сейчас, напечатав цитату, даже получил удовольствие. Чуть не прослезился, как бывает при встрече со старым корефаном.

Сам я наверняка знаю, что единственный способ спасти цивилизацию – это ограничить потребление. Но, сколько ни пытался склонить к своей вере своих собеседников, результат нулевой. Ни одного единомышленника. Не то что сочувствующих – даже заинтересовавшихся нет. Причем, что характерно: чем ближе мне человек, тем глубже пропасть, разделяющая нас в этом вопросе. Бывает, втюхиваешь кому-нибудь малознакомому или вообще постороннему: «Потребление ведет к концу света! Надо потреблять только действительно необходимое, а от остального отказаться!». Человек молчит, слушает и, пусть сочувственно заглядывая в глаза, но кивает. У собутыльника – сразу глаза навыкате: «Что, жить без трусов и питаться червячками, как папуас?». А стоит заявить нечто подобное жене, так она сразу начинает развертывать революционную агитацию: «Мы пойдем другим путем!»

Что делать, что делать? Я-то откуда знаю? Может, кого-нибудь разбудить? Кого-нибудь гениального, кто, проникшись антипотребительством, облачит его в такую высокохудожественную форму, что не только моя, но и его жена скажет: «Другого пути нет! Не будем покупать

ничего лишнего! Счастье есть, а что нам, по большому счету, еще нужно?»

Кого?

В России, конечно, нужно будить поэта. Я тут кто? Не больше чем прозаик. Только поэт может взять нас за нашу загадочную душу. Ну, а если он окажется, как ему и положено, больше, чем поэтом, то он разбудит еще много кого.

А что делать с незагадочными душами? Кто их поведет в антипотребительский рай? Может, Голливуд? Он, пожалуй, может. Только кто его самого разбудит?

Кого бы разбудить?

ЗЕЛЕНЬ

Может, я просто «зеленый»? И в то время, когда братья мои по крови зеленой пытаются заслонить телом немощным кита синего от пушки гарпунной, я сижу себе в безопасности, прихлебывая слабоалкогольное вдохновение, да выдумываю какие-то гипотетические опасности, грозящие экологии. Все ведь на поверхности: кит вымирает, тигр вымирает, еще кто-то… Беги, спасай!..

Их всех, вымирающих, мне по-человечески жаль, но спасать их я даже не подумаю. Меня больше заботит

спасение Человека, хотя он мне, может быть, как вид, менее симпатичен, чем кит или тигр. Они, скотинки несчастные, падут жертвой человеческой ненасытности, в то время как человек честно заслужил свой апокалипсис. Раз уж он не в силах преодолеть свою скотскую сущность – туда ему и дорога.

Когда я смотрю на «зеленые» акции по телевизору, меня не покидает ощущение, что смотрю какой-то дурацкий спектакль. Плывет кит. Один человек хочет его убить, другой – спасти, чтобы он не вымер как вид в ближайшие двести лет. Спасатель… Ему самому как виду осталось тридцать!

Что еще они придумали для спасения планеты? Традицию один час в году посидеть всем без света? Вместо пластиковых пакетов покупать бумажные? В целях борьбы с парниковым эффектом кипятить не полный чайник, а только столько, сколько собрался выпить? Какие-то они незрелые спасатели планеты. Зеленые совсем.

И, кроме того: хоть один «зеленый», крича об экологии, сам отказался от каждодневного увеличения личного потребления? А их ведь по всему миру немало наберется. А члены их семей, друзья, сочувствующие… Сколько их? Может, если все эти любители животных перестанут жрать с каждым днем все больше и больше, отодвинут апокалипсис? Ну, хоть на несколько недель.

О ЛЮБВИ

-Гоги! Ты памидори лубишь?
-Ест – да-а-а! А так нэ-э-эт…

анекдот

В том, что мир наш устроен не умно, виноваты не только лошади. Беда в том, что государства, образовавшиеся благодаря лошадям, не могут не конкурировать между собой. В том, что они, эти государства, национальные. Конечно, образованный политолог, произнося словосочетание «национальное государство», четко представляет, что речь идет не о национальности, а о нации. Но даже он не станет отрицать, что понятия эти тесно связаны.

Разные мы. Мы и внутри-то государств все разные, а уж снаружи… Кто виноват? Мы сами? Эволюция? Всевышний? Однако больше беспокоит другой вопрос: что с этим делать?

Вопрос не праздный. Праздным он был раньше, когда и места на Земле было побольше, и нехватка ресурсов поменьше, и оружие было понеядерней, Вот залез я в интернет с таким вопросом: «сколько войн произошло за всю историю человечества?». То, что я не получил точного ответа, понятно, но нет даже указания на порядок цифр. Тысячи? Десятки тысяч? Миллионы? Но я ведь задал

вопрос не из желания проиллюстрировать чужую мысль о том, что история человечества – это история войн. Я задал его для того, чтобы отсутствием ответа проиллюстрировать свою мысль: «какая разница?».

Какая для нас разница, сколько в прошлом было войн и сколько народу в них погибло? Для каждого из погибших это был его личный конец. Какая в том трагедия? Все равно все эти люди и так уже померли бы. И без войны. А может, умирая от старости или обжорства, еще бы и мучились больше. Родился – обязан умереть! Не мною, кстати, придумано. Конец предначертан всем. Я ни при чем: закон жизни. И что в таком законе плохого? Ну, подумаешь, война… Не конец же света!

Здесь, видимо, я должен объяснить, чем, по моему, личный конец отличается от конца света. На первый взгляд, ничем. Какая лично мне разница, сам по себе я помер или вместе со всеми?

Я вижу вот какую разницу. На этой земле есть много чего, что я люблю. Из этого «много» можно выделить немного того, что люблю по-настоящему. Как я различаю? У меня есть простой критерий. По-настоящему - значит, сильнее, чем самого себя. Готов за кого-то или за что-то жизнь отдать? Да? Значит, по-настоящему. У меня это несколько совершенно конкретных людей, ну и, конечно, Родина. Хотя с Родиной не все так однозначно. Жизнь за нее отдать – всегда пожалуйста, а вот чего у меня к ней больше - любви, или ненависти, не знаю. Впрочем, детки тоже иной раз такое отмочат, что думаешь: «Убил бы!». Так вот, если бы

не любовь, мне было бы все равно, сам по себе я кончусь или поучаствую в конце света. Даже не так: конец света был бы предпочтительней. Я и так интересно пожил, да еще такое представление под занавес! Но они, мои любимые, у меня есть. И поэтому я конца света боюсь. И дожить до него боюсь, и не дожить – тоже: кто им, моим милым, поможет в годину апокалипсиса, если не я?

Почему такое длинное вступление к простой мысли о том, что мне не нравится война? Да потому, что она мне на самом деле нравится.

Василия Теркина обожаю. Маэстро, Смуглянка, Кузнечик… А майор Булочкин! Очень люблю Штирлица. А как мне нравится поручик Ржевский!

Нравятся мне войны. Жаль, что меня там не было! А то я бы им, врагам проклятым… А может, они мне потому и нравятся, что меня там не было? Я не страдал, не умирал, не кормил вшей в окопах. Не ждал смерти в концлагере, и врачи не отрезали мне раненые части тела без наркоза. Любил в детстве в войнушку поиграть, да не повзрослел?

Я не против войны в принципе потому, что это, как ни крути, естественное состояние людей. Но я против будущей войны, потому что конец света, по-моему, вещь неестественная. А подготовка к ней идет каждый день и днем и ночью.

Как прекратить эту подготовку? Есть два варианта: либо изменить мир так, чтобы мы, даже желая

воевать, не могли бы этого делать, либо изменить себя, чтобы воевать нам не хотелось. Ну, а если сделать и то, и другое, может быть, станет совсем спокойно за все любимое?

ПРАВО

-Да, я знаю, знаю… Но все же… Закон есть закон!

Из х.ф. «Закон есть закон»

Каким должен быть мир, чтобы в нем невозможно было воевать, я знаю. Он должен быть правовым. Чтобы отношения между странами определялись законом, как между людьми в правовом государстве. Закон – один на всех, и все перед ним равны: сильные, слабые, богатые, бедные… Оружие – по лицензии. Украл – тюрьма, убил – расстрел. И следит за всем этим одна на всех полиция. Кстати, если армий не свете будет не сотни, а всего одна, но защищающая любого, на кого напали, и уничтожающая любого, кто напал, то какая польза будет экологии!

Но вот как сделать мир правовым, не знаю. Могу только предположить. По аналогии с построением правового государства: сперва - революция. Хозяев неправового государства - сильных, богатых, привилегированных - надо свергнуть, хорошенько побить и заставить соблюдать один общий закон. Хорошо бы, конечно, обойтись без насилия, но как? Никто своего

владычества до сих пор за здорово живешь не отдал. И поскольку такой сценарий реализован в мире многократно, основываясь, так сказать на опыте идущих впереди, можно дать два совета. Во-первых, чтобы свергнуть сильного и богатого, который по своему усмотрению устанавливает законы исходя из собственной выгоды, слабым и бедным надо прекратить ему служить, а наоборот, против него объединиться. И во-вторых, после победы победителям надо удержаться от соблазна самим поправить на правах сильного. То есть договориться, что играем не в «царя горы», а в справедливость. Справедливость эту написать на бумаге и объединяться «за нее», а не против «царя горы» на основе личных интересов, зачастую противоречащих справедливости. Причем договориться надо не после победы, а еще до объединения: слабые и бедные справедливость чувствуют тонко, в отличие от победителей.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОТВЕТ

Тут бабочка прилетела
Крылышками помахала
Стало море потухать –
И потухло.

Корней Чуковский. «Путаница»

Сделать так, чтобы нам воевать не хотелось, еще сложнее. Все-таки заставить нас не делать чего-то проще,

чем в чем-нибудь убедить. И вся история – тому подтверждение. Как нам не воевать, когда мы такие разные? Выглядим по-разному, говорим по-разному. Отсюда и неприязнь, и непонимание. А если эти две причины убрать? Или хотя бы сгладить?

Один общий язык на всю планету! Какой? Ну, английский, конечно. Какой же еще? Собственно, к тому и идет, только больно медленно.

Родной язык, конечно, жаль. Я его так люблю! Смогу ли я жить без него? Да я им просто зомбирован! Да я за него… А готов я за него жизнь отдать? Я ведь живу не только как животинка, но еще и как писатель. И в случае, если мой родной язык начнет помирать, то, как животинка, я, может, и выживу. А вот как писатель – точно нет. С другой стороны, что я как писатель в данный момент делаю? Я, как и любой другой писатель, с помощью родного языка пытаюсь изменить мир. То есть моя писательская жизнь посвящена тому, чтобы мир стал лучше. В частности без войны. А готов ли я свою писательскую жизнь отдать за это?

Я – да! Да пусть никто и никогда не узнает о таком писателе, если это нужно для всеобщего мира. Но я – ладно. А как быть с настоящей культурой? Она ведь тоже умрет. Как быть с нашими классиками великими? Я думаю, будь они живы, и они бы согласились. На то они и великие! Не сомневаюсь, что все они с радостью свои бессмертные творения принесли бы в жертву такой идее, как мир без войны.

Вот только опасаюсь, что такая жертва будет напрасной. Англоговорящий русский – все равно русский. Китаец – китаец. Араб – араб. А что если все это перемешать? Скрестить всех со всеми – и всего делов! Почему нельзя быть не русским, китайцем или еще кем-то, а просто человеком? По всей Земле – одинаковые англоговорящие люди, управляемые одним на всех разумом…

Я не предлагаю прямо завтра выучить английский, забыть свой и перемешаться. Я предлагаю подумать на эту тему. Пусть эта идея просто начнет жить. Да, да, как мысль. А если начать движение в ту сторону, то, может, колебания война – мир, война - мир, амплитуда которых до сих пор неизменно возрастала, начнут, наконец, затухать.

ДЕВУШКА МОЕЙ МЕЧТЫ

Ну что ж ты страшная такая?
Ты такая страшная
Ты не накрашенная страшная
И накрашенная…

А. Алексин

Ну и что это за новая раса получится? Представляю… Какой-нибудь мой потомок - внук или

правнук - приведет в ЗАГС красавицу с огромными негритянскими ноздрями и вывернутым наружу ртом на плоском лице, с японскими щелками глаз, обрамленными припухшими якутскими веками, монгольские волосы, напоминающие на ощупь хвост монгольской же лошади… Какого цвета кожа у красавицы, даже трудно представить… Белый – черный… Красный – желтый… Серо-землистый этот цвет уходит под свадебное платье, и прапрадедушка, в деталях помнящий прапрабабушку в день свадьбы, отворачивается, чтобы присутствующие не видели его слез. Добавим полинезийскую грудь, новозеландские зубы, врожденный алкоголизм и чувство юмора северных народов, монгольские коротенькие ножки, индийский живот с тремя складками… Будет от чего загрустить, веселясь на такой свадьбе.

Хотя, сказать по совести, мулатки мне нравятся. Может, если все цвета перемешать, как раз мулатка и получится… Может, все выдающиеся внешние признаки разных рас и народов, компенсировав друг друга, явят миру такую красоту, что нынешние мужики обзавидуются своим потомкам?

Жаль, конечно, что с блондинками в преферанс больше не поиграешь. Но раз уж она не накрашенная получилась ничего, то почему бы и не накрасить?

СТРОЙОТРЯДЫ

Танцплощадка по утру
Станет стройплощадкой

ВИА «Самоцветы», «Бамовский вальс»

Может, и неплохо было, если бы на Земле была одна раса, один народ, вот только как это сделать? А если, несмотря на необходимость глобального перемешивания, кто-то не захочет перемешиваться? Например, турок с армянином или албанец с сербом… Можно придумать обходные маневры. Турка скрестить с албанцем, армянина - с сербом, а дальше они и сами не поймут, кто из них кто.

Еще можно воспользоваться опытом предыдущих поколений. Вот, например, в Советском Союзе, где руководство не ленилось заниматься демографическими и национальными вопросами, был придуман неплохой способ перемешивания…

Если организовать всемирное строительство какой-нибудь магистрали, свезти туда из разных уголков планеты молодых специалистов и специалисток, зеков и студенческие стройотряды, то на этой стройплощадке такое перемешивание начнется… А строить нужно много чего. Покрывать пустыни солнечными батареями, устанавливать в Арктике миллионы ветряков. В общем, полвека стройотрядов - и уже никто не сможет с уверенностью сказать, какой он национальности. А чтобы сделать процесс

создания новой расы неотвратимым, надо использовать еще один, придуманный опять же в Советском Союзе способ…

Когда я служил, то столкнулся с таким явлением: в Белоруссии советских времен совершенно не было презервативов! Тогда как в соседней Литве – завались! В любой аптеке и сколько угодно. Бывало, поедешь в воскресенье пиво пить в Вильнюс (с пивом, к слову сказать, была такая же ситуация, как и с презервативами), так друзья столько их поназакажут, что купить в одной аптеке даже как-то неудобно. Вот и ходишь весь день вместо того, чтобы пить пиво, по аптекам и презервативы скупаешь. А почему? Да потому, что правительство всерьез занималось национальной политикой и делало все возможное, чтобы литовцев было поменьше, а белорусов, наоборот, побольше.

МЕДИЦИНА

Мне не нужна вечная игла, я не хочу жить вечно. Я хочу умереть.

И. Ильф Е. Петров «Золотой теленок»

Если науку о том, как продлить жизнь человечества хоть на пару десятилетий, еще даже не начали создавать, то наука о продлении жизни отдельного индивида… Оно и понятно. Что для человечества полвека туда-сюда? Ничто. Тьфу, как говорится, и растереть. Кто заплатит за такую науку? Индивид – другое дело. Он за возможность продлить свою жизнь хоть на вдох, готов платить хоть до конца

жизни. И ученые всех стран наперегонки рожают все новые и новые таблетки. До чего дошло! Включаю телевизор, а там рассказывают про новые возможности по выращиванию клонов живущих индивидов. И это позволит индивидам, разбирая клонов на запчасти, жить на пару сотен лет дольше. А может, и вообще речь пойдет о бессмертии. И все этому рады: вековая, несбыточная мечта людей становится сбыточной, и даже мысли не допускают, что найдутся недовольные.

А я нашелся. И не из вредности, протеста или желания пооригинальничать: «Смотрите, какой я нестандартный!» Может, по глупости? Ну не понимаю я, зачем мне жить вечно!

Мне за пятьдесят. Я неплохо пожил, счастливо. И счастье еще не кончилось. Но… Вот пишу свою последнюю книгу. Не в том смысле, что вот допишу - и вечная память. Помирать не планирую, но и писать что-то еще тоже не собираюсь. Не хочу! Эту пишу потому, что хочу. А писать следующую – никакого желания. Я и так уже прилично тут надышал. Строю яхту, третью в своей жизни и после того как построю, больше яхт строить не буду. Стало быть, тоже последнюю. И самолет на днях начну строить тоже последний, и ребенка последнего я уже родил. А буквально на днях я в последний раз надел этому ребенку колготки: теперь он делает это сам. Слово «последний» наполняет мою сегодняшнюю жизнь, и я, наплевав на авиационные традиции, запросто употребляю его в разговоре. В пятьдесят это обычное, нормальное слово. Это в двадцать

страшно иметь последнюю женщину. На шестом десятке ощущения другие.

После того как все последние дела доделаю, я ничего в своей жизни делать больше не планирую. Что я буду делать с этой своей бессмертщиной?

Опять же есть мнение, что жизнь нужна человеку не обязательно для того, чтобы что-то делать. Например, Валентин Распутин утверждал, что жизнь дана человеку для того, чтобы его испытать. Меня она испытала? Ну… И да, и нет. Часть испытаний прошел с легкостью, получил удовольствие, и есть чем гордиться. Другую часть не прошел: и подличал, и врал, и крал. Но стыдно! Так стыдно, что больше этого не делаю. То есть все это в последний раз я уже сделал. А раз так, то пусть нелегко, пусть гордиться нечем, но тоже прошел. Или… все равно не прошел? Многих испытаний просто не было. Не воевал, а мужик, который не воевал, по-моему, не совсем мужик. Еще много чего не было. Будут в моей жизни еще испытания? За пятьдесят лет я себя от них оградил. Осталось только одно, последнее, от которого никуда не уйдешь.

Итак, если я все дела в этой жизни, не важно как, но сделал, и все испытания, не важно на какую оценку, но прошел, что мне в этой жизни еще делать? Жизнь, если мерить ее делами и испытаниями, прожита. Осталось ее только дожить. Зачем мне бесконечно отодвигать свое последнее испытание? Чтобы, пока светит солнце, скупать барахло и лелеять свои мощи?

У меня есть своя версия: жизнь дана человеку для того, чтобы понять, что век человеческий отмерян правильно.

Представьте себе ребенка, который играет. Во что-то, не важно во что. Любой взрослый скажет: «Вот оно, самое замечательное, беззаботное время!». Потому что знает: совсем скоро жизнь заберет у ребенка игрушки, а взамен даст обязанности. Но ребенок, перестав быть ребенком снаружи, не перестанет быть им внутри. Он найдет, во что поиграть. Вместо игрушечных машинок и кукол будут не игрушечные, вместо развивающих игр – бизнес. Познание любви через секс, познание мира через турпоездки, познание дружбы через выпивку… Взрослые игры, кажется, неисчерпаемы. Конечно, все это будет названо «делами», но жизнь не обманешь. Она будет отнимать игрушку за игрушкой, пока не отнимет все. И вот перед нами человек, который до такой степени наигрался, что на игры у него просто сил нет. Под занавес ему остается только одна, главная игрушка. Ее не отнять, для игры в нее не надо быть молодым, здоровым и состоятельным. И играть в нее никогда не надоест. Конечно, разум! Только освободившись от бессмысленных детских и взрослых игрушек можно полностью отдаться самой важной в жизни игре. Поэтому старость – время ничуть не менее важное, чем детство, а наоборот. Когда еще можно спокойно подумать? Кто-то не согласится; «Детство – самое важное время. Именно там и закладывается вся дальнейшая жизнь. Просто его толком никто не помнит». И я не соглашусь: «Старость – тем более никто не помнит». Вот тогда-то, играя мыслями, вспоминая детство и думая о вечном, человек неизбежно придет к выводу, что

и детство, и взрослость, и старость, и смерть человеку одинаково необходимы. Век человека отмерян очень правильно, не зря же он венец творения. И мне кажется, что в глубине души со мной согласны поголовно все. А иначе, зачем мы говорим: «Жаль, рано ушел. Ведь не старый еще!» Чего нам жаль: что человек не изведал старости, немощности, болезней? Или это неискренне?

Ну, а если все правильно, то о чем я беспокоюсь? О том, что этот правильный порядок вещей может быть нарушен. Мы еще с детства не любим терять свои игрушки и медицина на такой спрос не может не ответить предложением. Она уже почти нашла ген старения, всерьез говорится о пересаживании голов и клонировании. Не пора ли провести какую-то черту, за которую медицина заходить не должна? Или, это жестоко и безнравственно - иметь возможность продлить молодость и удлинить жизнь миллиардам живущих и не сделать этого?

Не дать таблетку умирающему, конечно, жестоко. А не изобрести новую – вовсе нет. Ведь прожили же как-то тысячи предыдущих поколений вообще без таблеток, и были счастливы. Если не знать, что такая таблетка вообще возможна, то и проблемы нет. Но как медицина может сама остановить свое развитие, если у нее, как и у всего рыночного, нет кнопки выключения? Сама – никак. Опять придется разуму. Сперва определить горизонты развития, за которые заходить нельзя, а когда они будут достигнуты, ломать механизм. А высвободившиеся ресурсы направить

на уменьшение рождаемости. Не подчинимся? А диктатура на что?

Только одну задачу надо оставить медицине на вечные времена: борьбу с геном жадности. Не из простых задача. У человека это не просто ген. Это гений.

МИССИЯ ВЫПОЛНИМА

Что делает мусульманин, когда болеет его ребенок? Сядет на землю где-нибудь в горах и молится. Что делаю я? Помолюсь, конечно: «Спаси и сохрани!» - и бегом, в аптеку, за антибиотиком: на Аллаха, как говорится, надейся, а верблюда привязывай! И не только я. Мои папа и мама так делали, и дети мои будут делать так же. И я рад! Нет, даже счастлив! Счастлив, что в аптеке есть таблетки от всех болезней, доктора следят, чтобы мои детки соблюдали график прививок, а какие-то ведомства, названий которых я даже не знаю, за тем, чтобы в водоемах и водопроводах не было всяких чум, холер и прочих ужасов, названий которых я даже и знать не хочу. С ним – Аллах. Со мной – цивилизация. Кому что нравится.

Слушал я как-то одного умного дяденьку, акушера. Он не просто акушер, а акушер потомственный. И рассказал он то, что рассказала ему его мама-акушер о том, что рассказала ей ее мама-акушер… Оказывается, всего сто лет назад при родах погибали каждый второй ребенок и каждая третья женщина.

Роды – сложнейший процесс, которым руководит не акушер, как принято считать, а гены. В них, в генах, записано, когда и по какому сигналу организм начнет вырабатывать гормон, который запускает весь процесс. Потом по какому-то другому сигналу начинает вырабатываться другой гормон, под действием которого начинаются схватки. Потом его количество увеличивается, вступают в дело другие гормоны и запускают или прекращают другие процессы… И даже когда ребеночек родился, этот многоходовый механизм продолжает работу: малыш берет грудь, и мама - опять же под действием каких-то сигналов - выдает ему не молоко, а коктейль из ферментов. Каждый фермент дает сигнал на запуск или прекращение каких-то процессов уже в организме новорожденного, причем веществ этих там сотни, а наука до сих пор разобралась только с некоторыми из них. Что будет, если этот хитроумный механизм даст сбой? Это смотря когда. Если сто лет назад, то кто-нибудь из двоих погибнет, а то и оба. Сегодня – другое дело. Время подошло – стимульнут, мало гормона - добавят через капельницу. Не помогает? Не беда: разрежут и достанут. Счастливая мама, здоровый малыш. Слава медицине! Все замечательно, за исключением одной мелочи: гены, в которых программа родов зависает или вообще стерта, переданы будущим поколениям. И с каждым новым поколением, рожденным с помощью капельниц и скальпелей, механизм родов, выстраданный природой, оплаченный несметным количеством жизней, все более утрачивается. Мы счастливы, что имеем такую медицину, но гены наши из-за нее изменились настолько, что без медицины мы рожать уже не можем. Точно так же мы уже не можем бороться с болезнями без антибиотиков, детям

нашим для нормального роста нужны витамины из баночки, а чтобы нормально пережить праздничный день, мы должны принять некоторое количество строительного материала для клеток печени. И если сравнить нас с людьми домедицинского периода, мы уже не совсем люди.
Мы - мутанты.

Мы мутировали настолько, что жить естественной жизнью, вне созданной нами цивилизации, уже не можем. Мы вымрем, если в аптеки перестанут подвозить таблетки, вузы перестанут готовить акушеров и фармацевтов, а в родильном отделении выключится свет.

А чего он вдруг выключится? Мы не собираемся покидать своей уютной техносферы, а наоборот, сделаем ее еще надежней, чтобы свет не гас ни на секунду. Но что мы будем делать со своими поломанными цивилизацией генами, если техносфера наша сама нас покинет? Умрет естественной смертью, как и положено всему, что родилось.

Жаль, конечно, что мы, мутанты, живем, пока не кончится свет. Хотелось бы, чтобы «пока светит солнце». Тем более что конец света не за горами. Остались ли где-то нормальные человеческие гены? Остались. Он ведь не просто так сидит молится. Он просит Всевышнего уберечь его от соблазна приобщиться к обществу потребления, дать образование своим женщинам и узаконить однополые браки, что помешает ему выполнить свою миссию по сбережению генома Человека Разумного.

Ну как тут не поверить в божественную версию происхождения мира? Разве могло так случиться само по

себе? Тут явно просматривается в деталях продуманный план. Это до чего же хитро задумано: пока одна половина человечества, забыв все заповеди, строит цивилизацию, другая, во всем себе отказывая, хранит святыню, доставшуюся нам от предков, на тот случай, если цивилизация рухнет. Не просто умно. Божественно умно!

А мы, брошенные нашими духовными поводырями на съедение пороку, можем как-то поучаствовать в деле сохранения генома, чтобы не только его, но и наши гены нашли себе место в будущем. Думаю, да. Например: «Тебе восемнадцать? Ты родился не в роддоме? Не ел антибиотиков и ГМО? Получи двадцать девственниц!»

ЗАЧЕМ МНЕ ЭТО?

Зачем мне эта книга? Зачем я, лентяй, проделал эту работу? Продавать этот труд я не собираюсь, у меня ведь и так все есть. А ведь это не просто труд. Это труд с ущербом для здоровья.

Для того чтобы писать, как известно, необходимо вдохновение. И любой нормальный писатель, периодически испытывая его приступы, творит в свое удовольствие и на радость читателям. Я – писатель ненастоящий. У меня внутри вдохновения нет. Я, чтобы писать, должен принять его снаружи.

Оно у меня бывает трех видов: светлое

пастеризованное, красное сухое, ну и, конечно, крепкое. Вдохновение разжижает мозги, мысли начинают проплывать быстрее… Уже можно работать. А иногда случается сверхпроводимость, так что пьяный палец, которым я печатаю, не поспевает.

Утром, когда проводимость никакая, смотрю на себя в зеркало. Язык белый, знать, цирроз уже где-то рядом. А морда… Сомнений нет: алкоголизм стоит у порога. А может, уже вошел. Ну так от судьбы не уйдешь. Пойду лучше почитаю, что я там вчера…

Зачем я так над собой издеваюсь? Мечтаю умереть… счастливым! Мне кажется, что это самое большое, чего человек может добиться в жизни.

Наверное, немало найдется скептиков, сомневающихся в том, что можно испытывать счастье, умирая. Но я-то знаю, что такое возможно. Могу привести немало примеров, когда люди принимали смерть, пребывая в счастье, но как человек, воспитанный во времена строительства коммунизма, припоминаю в основном случаи, когда предсмертное счастье было обусловлено любовью к Родине. Умирает человек и счастлив от того, что сделал для Родины столько, что теперь у нее все будет хорошо.

Я Родину люблю (уже говорил), но так, чтоб до слез, лишь девятого мая. А умереть девятого мая – шанс невелик. Уж если и придется загнуться в ознаменование очередной годовщины Великой Победы, то, скорее всего, это

произойдет десятого утром. Но счастливым-то помереть хочется!

Детей своих я люблю круглый год, не исключая девятого мая. И, умирая в любой день любого года, хоть завтра, был бы счастлив, если бы наверняка знал, что у них все будет хорошо.

Но если бы пришлось сегодня, то какое же тут счастье, если миру, в котором я их оставлю, осталось жить в потребительском раю всего… Завтра – тем более: еще минус один день.

Не светит мне осуществить свою последнюю мечту. И пишу я не для того, чтобы засветило. Я знаю, что изменить ничего нельзя, даже пытаться бесполезно.

Но пишу… И на вопрос «зачем?» самому себе отвечаю: для того, чтобы умирая в несчастье, добавить в эту бочку дегтя три ложки меда…

-Я не бездействовал!

-Я сделал все, что мог!

-Я предупрежда-а-ал!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я – писатель молодой, но все же кой-какой опыт имеется. И опыт этот говорит о том, что до опубликования произведения его необходимо показать нескольким

читателям и послушать, что они скажут. Мало ли, вдруг где какой брачок-косячок получился: еще не поздно исправить. Читатели эти, конечно, должны быть не абы какими. Они должны быть не читателями, а Читателями. И вот что сказал мне первый Читатель «Последнего выдоха»:

- Из пятого – в десятое… Как тебя понять? То перемешиваться, то забор строить. То забор строить, то делиться…

Я, рожая книгу, полагал, что читатель сам должен сообразить, как это понять. Но раз уж даже Читатель вопросы задает…

Я рад бы жить в мире, где все делятся, перемешиваются, не воюют, живут по разуму и мировой конституции. Но от того, что я об этом помечтал, мир не изменился. И неизвестно, изменится ли когда-нибудь. А раз так – забор! Только забор!

ЕЩЕ ОДНО ПОСЛЕСЛОВИЕ

PPS: Не смешно получилось.

PPPS…

-Да тут еще пять страниц постскриптумов!

Из м. ф. «Тачки – 2»

«Последний выдох» закончен, над ним поработал корректор, готовится сайт для его опубликования, я уже пронумеровал страницы и сделал «контрольное прочтение»… И как раз сейчас, в сентябре 2015го, история с беженцами в Европе превратилась в бедствие. А я-то, когда писал о местных апокалипсисах и беженцах, стращая всех серединой века, думал, что мне не поверят! А если так пойдет и с остальным? Может, «две тысячи сорок восьмой» уже завтра?

2015 г.